

КОСМОС
МЕДИЯСЫ

ЖУРИКОВ

Кондратий **Журиков**

Человек БЕЗ БАШНИ

КАК НЕ
АЛМАЗЫ
РОТ НЕ
РАЗБИЛ

Кондратий Жмуриков

Человек без башни

Серия «Комедийный боевик»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167946

Человек без башни: Научная книга, Эксмо; М.; 2002

ISBN 5-699-00165-4

Аннотация

Криминальные отцы русской демократии замышляют очередную аферу: намереваются тайком переправить за рубеж «дипломат» с бриллиантами, отмытыми на деньги от грязных политических игрищ. А чтобы комар носа не подточил – курьером избран клинически честный идиот Роберт Тюфяков, который даже не подозревает, что везет. Но волею случая рейс ему попался не совсем обычный, и вместо пункта назначения угодил бедный Робик на дикий тропический остров, где на каждом шагу его подстерегает смерть. Не дремлют и коварные охотники за чужими сокровищами в лице профессиональной авантюристки Ядвиги Никитенко и бандитов крутого авторитета Черепушки. Не говоря уж о настоящих пиратах. Но, как известно, Фортуна – особа капризная, и кому достанутся камешки – еще чертова бабушка надвое сказала...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Кондратий Жмуриков

Человек без башни

ПРОЛОГ

Вжжик! Лезвие вонзилось в стену легко, как будто она из масла. Нож торчал ровно посередине, между глазами, в том самом месте, где у мужчины сходились густые брови на переносице. Это придавало ему сходство с единорогом.

Хозяйка ножа повернулась к стене спиной и метнула в плакат другой нож. Вжжик! Девушка обернулась, усмехнувшись. Второй нож пристроился рядышком с первым. Теперь плакатный мужик больше походил на козла. Для довершения сходства она пририсовала плакату жиденькую козлиную бородку и подписала: «Козел!»

Дорогая глянцева бумага, хорошая полиграфия говорили о том, что у этого самого козла достаточно денег для тиражирования своей персоны. Так оно и было. Это был рекламный предвыборный плакат некоего господина Хрюкина, баллотирующегося в Думу околостолличного городка Ферска. Поговаривали, что он лидер тайного движения, находящегося в подполье. Законного, зарегистрированного, но для большей популярности законспирированного.

Штрихи биографии, созданные заботливым пером высо-

кокласных специалистов-пиарщиков, вызывали слезы умиления и стойкое желание тут же, на месте, отдать свой голос господину-товарищу Хрюкину, а так же вручить ему свою жену, невесту, счет в банке (если он у избирателя есть) и любимую собаку.

Рабочий-интеллигент, пробившийся из самых низов, честно создавший частное предприятие по пошиву детских подгузников на заре Перестройки. Благодаря своей настойчивости, предприимчивости, честности, а главное, заботе о ближних, он расширил свое производство. На данный момент господин-товарищ Хрюкин являлся удачливым бизнесменом-предпринимателем, думающим о пользе родного города и горожан, меценатом и благодетелем.

Не важно, что на самом деле господин Хрюкин ни дня не проработал за станком (работа на промзоне в местах не столь отдаленных не считается). О том, что будущий депутат несколько лет отсидел за мошенничества и грабежи, пиарщики деликатно умолчали. Кто не без греха? Тем более сегодня, когда все жители нашей необъятной Родины разделились на тех, кто уже отсидел, и тех, кто еще не успел? И конечно, совсем не важно, что большую часть года господин Хрюкин находится в столице, скупая все, что попадет под руку, от железнодорожных вагонов и путей, до крохотных участков газопровода. К большим ему пока еще не податься, мешают более удачливые конкуренты, о которых в нашем повествовании речь не пойдет. Только для того, что-

бы урвать кусок пожирнее, господин Хрюкин рвался в депутаты околостолничного города Ферска. Отсюда до Государственной Думы было рукой подать. А уж из той Думы можно и обо всей стране помыслить.

За господином-товарищем Хрюкиным стояли влиятельные и важные люди, которые себя не афишировали, предпочитали таскать каштаны из огня его, Хрюкинскими, руками. Именно они составляли организационное ядро движения «Тропой Героев».

Вот об этом думала симпатичная молодая брюнетка, пока метала ножи в омерзительную рожу, которая очень хорошо сочеталась со звучной фамилией. Через десять минут вождь движения, будущий депутат и, возможно, будущий глава государства был весь утыкан ножами, как дикобраз иголками. Оставалось еще одно-единственное местечко, носик-пуговка, смахивающий на пяточок поросенка, когда призывно затрезвонил телефон, отвлекший девушку от увлекательного занятия.

– Да, я. Когда? Где? Замечательно, деньги получите переводом, – лаконично проговорила девушка, хладнокровно посылая последний нож точно в цель, в носик-пуговку.

– Йе-ха! – издала она боевой клич, сделала кульбит и пару маховых движений ногами, не то карате, не то джиу-джитсу. От чего серый пушистый кот, сидевший на телефонной тумбочке, недовольно зафыркал и шмыгнул в укромное местечко.

– Кис-кис, кис-кис-кис, – позвала девушка. – Бэтмен, Бэтмен, иди сюда, иди, я больше не буду. Но кот с гордым именем, вероятно, обиделся и не подавал признаков присутствия.

– Ну и ладно, – махнув рукой на вредное животное, сказала хозяйка. Натянув джинсы, толстовку и спортивную курточку, замотав голову платком и нацепив на нос темные очки, она выскользнула из квартиры.

– Куда это ты, Ядвигачка, с утра пораньше направляешься? – поинтересовалась соседка по лестничной клетке, высунув из-за дверей любопытный остренький носик.

Ядвига, а именно так звали метательницу ножей и хозяйку Бэтмена, пробурчала что-то в ответ.

* * *

Несколькими днями раньше описываемых событий в аэропорт города Ферска прибыли два молодых человека мускулисто-плечистой наружности. Оба в хороших костюмах, которые на их спортивных фигурах смотрелись более чем нелепо, оба с подозрительными оттопыринами в районе левой подмышки, оба сосредоточенно жующие и бдительно осматривающие зал ожидания. Молодые люди держались плечом к плечу, словно были скованы одной цепью. Если приглядеться внимательно, то можно было заметить, что цепь на самом деле существует. Они были прикованы к ма-

леньким черненьким чемоданчикам, которые держали в левой руке.

Прибыли к заданию аэропорта они в машине с тонированными стеклами за несколько минут перед тем, как объявили регистрацию на рейс до Рюо-де-Гранадас, столицы одного из африканских государств. Или латиноамериканских? Кто их разберет, эти махонькие карликовые королевства-государства, расплодившиеся по всему земному шару. Да и Бог с ними, у нас все-таки не путевые заметки, наша история с географией не связана. Молодые люди двинулись к стойке, держа в руках билеты. Тут откуда-то из боковой двери выпорхнула блондинка в синей аэрофлотовской форме, юбочка которой походила скорее на пояс, потому что едва прикрывала стройные, потрясающе длинные ноги девушки.

– Простите, – обратилась она к двум плечистым, – вы на Рюо-де-Гранадас?

Парни молча кивнули, в такт шевеля челюстями.

– У нас маленькое осложнение, на островах эпидемия малиновой хрюньки. Вы не болели хрюнькой в детстве?

Молодые люди синхронно-отрицательно покачали головой.

– О, это ужасно, но вы единственные пассажиры рейса, которые хрюнькой не болели. Вам необходимо срочно сделать прививку.

Парни переглянулись.

– О, не беспокойтесь, это не займет много времени, – за-

щебетала авианимфа, – У нас высококвалифицированный персонал, раз, и уколят, раз, и готово. Полетите, как миленькие, здоровенькие...

Девушка привстала на цыпочки, дотягиваясь до их ушей, и интимным шепотом сообщила некие подробности, касающиеся последствий заболевания:

– У вас есть дети?

Качки отрицательно покачали головами.

– Пока нет! – озвучила она их. – После хрюньки может и не быть. Никогда!

Услышанное произвело на молодых людей впечатление, они так же молча двинулись за девушкой. Свернув в коридорчик, девушка приоткрыла дверь, занавешенную белым халатом, и пригласила молодых людей войти внутрь. Качки послушно вошли и не успели произнести ни звука, как на их головы обрушились тяжелые предметы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся двумя фарфоровыми крышками от бачков унитаза, которые держал в руках мужчина в белом халате. Крышки раскололись на половинки, практически не нанеся заметных повреждений крепким головам парней, зато напрочь отключив содержимое таковых.

Девушка наклонилась над поверженными молодыми людьми и ловко обыскала их карманы, нашла ключи и отстегнула наручники. Ее помощник, здоровенный двухметровый детина, легко, как пушинки, поднял тела с пола и оттащил в подсобку, приткнув дверь шваброй на случай, если парни

очнутя раньше.

Парочка выскользнула из кабинета, девушка сняла с дверей белый халат, под которым скрывалась надпись «Служебный туалет. Посторонним вход воспрещен».

В зале ожидания через громкоговоритель сообщили, что рейс до Рюо-де-Грандос благополучно вылетел. Только два пассажира так и не успели пройти регистрацию. Девушка и ее помощник сели в машину, ждавшую их на стоянке.

– Шеф, усе в порядке, – отрапортовал детина, передавая чемоданчики сидящему впереди.

– Все прошло без сучка и задоринки, – подтвердила девушка, стаскивая блондинистый парик со своей бритой налысо головки.

Шеф, не говоря ни слова, раскрыл чемоданчик и внимательно изучил содержимое, состоящее из пары старых газет, резинового пупса, половинки расчески. Он потряс чемодан в надежде, что оттуда все же посыплется что-нибудь путное. Путного не было. Отпихнув первый, он принялся потрошить второй чемодан на предмет ценностей. Ничего. Глаза его налились кровью, а на языке задергались такие виртуозные ругательства, что шофер, сидящий рядом, густо покраснел и незаметно выполз наружу.

Незадачливые грабители сидели не шелохнувшись, парализованные взглядом главаря.

– Где камешки? – прорычал он, протягивая руки к горлу детины.

– Шеф? Шеф! Шеф!!! Мы тут ни при чем, наше дело чемоданчики взять! – завопила лысая девушка. – Шеф, это подстава! Эти гады нас проверяли! Рыба тут ни при чем! – вопила она, вцепившись в главаря и пытаясь отодрать его руки от горла своего товарища.

Детина, уже посиневший от недостатка воздуха, хлопал ртом, как рыба, выброшенная на берег приливом. Его глаза, немомо навывкате, довершали сходство с рыбой и подтверждали удачность присвоенного прозвища.

Руки шефа разжались. Он немного успокоился, доводы девушки показались ему достаточно убедительными.

– Значит, так, следить за Хрюкиным, землю носом рыть, но узнать, кто повезет брюлики. Пошли вон. С глаз моих долой, уроды.

Шеф тяжело вздохнул, размышляя о тяжелой участи главаря банды придурков. Ничего путного сделать не могут с первого раза, даже в сортир сходить... С ними не только бриллианты не добудешь, старушку в переходе не ограбишь.

* * *

В актовом зале Дома Престарелых Большевиков было полно народу. Но членов движения среди них было – раз, два и обчелся. Сидевшие в зале опытные подпольщики были хорошо замаскированы под внуков и детей, пришедших навестить старушек и старичков. Со стороны собрание походило

ло на самый невинный сбор средств для пожилых коммунистов. И только лозунг над сценой: «Люди, будьте достойны светлого будущего!» являлся свидетельством того, что здесь происходило нечто более важное, чем рядовое выступление спонсоров-меценатов перед спонсируемыми. А происходило здесь отчетно-перевыборное собрание околоподпольного движения «Тропой Героев» (правда для многих оставалось загадкой, каких именно героев имели в виду организаторы движения. Каждый мог выбрать своих героев и двигаться по их тропе, это было не так уж важно. Главное, вовремя и регулярно вносить щедрые жертвования).

За конторкой-трибуной выступал толстенький, розовощекий, почти лысенький молодой человек. Молодым, конечно, он был только относительно обитателей дома престарелых. Своим сытым личиком, дорогим костюмом и золотыми часами он весьма отдаленно напоминал какого-нибудь Героя. Настолько, насколько орангутан напоминает мужчину в расцвете лет.

Благодаря тому, что собранные в зале бывшие большевики почти все были глуховаты и подслеповаты, оратор, несколько не скрываясь, провозглашал основные идеи движения.

– Наша цель – власть во всех ее проявлениях. Мы не должны ни перед чем останавливаться, чтобы вернуть на Родину светлые идеалы Героев! И когда мы придем к власти, мы облагодетельствуем весь народ! Наши люди, потомки Геро-

ев, смогут пить дешевое пиво и водку, заедая ее не менее дешевой воблой. Каждому нашему человеку – по ведру варенья и килограмму печенья! Изгоним из нашей жизни «Кокка-колу» и «Пепси», долой буржуинские напитки! Да здравствует наш родной напиток – квас! Мы в ответе за все! Мы рождены, чтобы нам жилось лучше! Мы – победим!

Оратор на минуту замолчал, потянулся рукой к бутылке с темной жидкостью. С виду напиток подозрительно смахивал на то самое буржуинское «Пепси», но для особо сомневающих к бутылке скотчем была прикреплена надпись, сделанная от руки – «Квас». Пока оратор пил темный напиток, зал заполнил паузу рукоплесканием. Представители движения хлопали идеям выступающего, а престарелые большевики, так, за компанию.

Толстощекий потомок Героев тем временем продолжил свое выступление:

– Для достижения своей благородной цели мы не должны останавливаться ни перед чем, даже перед экспроприацией современных буржуинов, которые пропагандируют чуждый нам образ жизни! Товарищи, мы должны объединяться с теми, кто разделяет наши взгляды за бугром. Только так, опираясь на плечи иностранных товарищей, мы сможем добраться до власти!

С этими словами розовощекий спустился в зал. Его место тут же занял плечистый мужик с толстовской бородой:

– А сейчас слово предоставляется нашему уважаемому

Председателю, Хрюкину Аркадию Виссарионовичу.

На сцене появился коренастый, бровастый мужик с пороссячим носиком.

– Ур-ра, Председателю, ур-ра!!! – дружно закричали и захлопали руками сидевшие в зале представители движения. Им вторили более слабыми голосами пожилые большевики, которые воспринимали происходящее как театрализованное представление.

Аркадий Виссарионович широко улыбнулся, поблескивая золотым зубом, и, театрально поклонившись, поставленным голосом произнес:

– Приветствую вас, дорогие мои соратники и соратницы. Вам выпала великая честь внести свою кровную копеечку, рубль, цент и доллар на благое дело – спасение Отчизны. Только мы, мы и еще раз мы, гордые внуки Героев, можем сотворить это великое дело. Помните, что именно от вас зависит дальнейшая судьба нашего движения. Эти деньги обратятся в газеты и книги, привлекут в наши ряды новых членов и тогда мы победим. Да будет так!

Речь господина Председателя была короткой, но содержательной. Тут же в зале, как по мановению волшебной палочки, появились молодые люди в буденовских шлемах с глиняными кружками в руках. Они обходили ряды, передавая эти самые штуковины для пожертвования. И, как ни странно, бизнесмены, солидные господа, выросшие на книгах замечательного детского писателя, а по сути являющиеся эти-

ми самыми буржуинами, подавали деньги. Во всем этом процессе отсутствовала элементарная логика: буржуины платили деньги, для того чтобы уничтожить буржуинов, то есть самих себя.

Это никак не укладывалось в голове девушки, сидящей на последнем ряду в актовом зале Дома Престарелых Большевиков. Однако в данный момент ее больше всего интересовали не идеи «героев», а размеры пожертвований. Ядвига Никитенко была вольным стрелком, авантюристкой по призванию, охотницей за чужими материальными ценностями в особо крупных размерах по профессии.

Если честно, деньги были не целью, а всего лишь средством. Риск, будоражащий кровь, риск, повышающий уровень адреналина в крови – вот что придавало вкус жизни. Поэтому Ядвигу интересовали только крупные мошенники с крупными ценностями, достать которые было очень сложно. У нее был на них какой-то особенный нюх, чутье. В этом ощущении было мистическое, природу которого не могла объяснить и сама Ядвига.

Вот и на этот раз Ядвиге казалось, что пахнет большим мошенничеством и большими деньгами. Все началось с того самого предвыборного плаката, который услужливые помощники будущего депутата засунули в почтовые ящики жильцов подъезда, в котором она проживала. Как только она увидела эти пороссячьи глазки, этот нос-пяточок и кустистые лохматые брови, внутри что-то щелкнуло и дзинькнуло. Слу-

чилось это приблизительно месяц назад. С тех самых пор Ядвига Никитенко самым тщательным образом подбирала информацию, по крохам, по крупицам создавая мозаичное панно. Она нашла информатора в среде сторонников движения, залезла в милицейские архивы, выкупила даже карточку из роддома, которую при рождении завели на младенца мужского пола Хрюкина Аркадия.

Теперь она знала о вожде «тропистов» все, вплоть до родинки в виде ромашки на попке. По донесениям агентурной разведки координаторы движения решили открыть свои филиалы по всему миру. С этой целью было решено переправить часть средств, переведенных в драгоценности, в один из банков некой южной страны. С виду все было чики-чики, но на самом-то деле отцы-основатели хотели надежно припрятать свои и чужие денежки от всевозможных обвалов, инфляций, дефолтов и всякой прочей напасти. Так, чтобы и им, и детям их, и внукам жилось хорошо-вольготно на Руси, да и не только.

Информатор, звонок которого в такую рань вытащил девушку из квартиры, сообщил, что именно сегодня будет окончательно решен вопрос об отправке средств. Предстояло выяснить, кто и каким образом будет переводить деньги в драгоценности, кто и каким образом эти самые драгоценности будет перевозить в южную страну, и что это за страна в конце-концов.

Ядвига незаметно соскользнула на пол и юркнула под ряд

опущенных сидений. Лежать пришлось на боку, что было не очень удобно, зато незаметно. Пока мальчики «в пыльных шлемах» добирали пожертвования, Ядвига обзревала ноги сидящих. Это наблюдение оказалось весьма полезным и любопытным. Не глаза – зеркало души, как утверждал классик, а ноги. По носкам, ботинкам, их стоптанности можно было определить характер человека. Всех, сидящих в зале, можно было разделить на добившихся успехов в жизни и нет по качеству обуви. По расцветке и фасону носок можно было предположить кое-что о характере и т. д. и т. п. Ядвига сосредоточилась на этом исследовании, чтобы отвлечься от неприятных ощущений, вызванных нахождением на грязном и жестком полу.

Сбор пожертвований завершился, народ потянулся к выходу. В зале оставалось несколько человек. Ядвига ждала, когда они заговорят. Основной свет был погашен, освещенной осталась только сцена.

Ядвига по-пластунски поползла поближе к сцене, бесшумно, словно ящерица, она быстро преодолела расстояние в несколько десятков рядов. Видеть происходящее она не могла, но каждое слово слышала отчетливо, как в радиопостановке:

– Ну-с, господа, – проговорил чей-то визгливый голосок, – Пора нам перепрятать наши денежки в более надежное место. Разведка доносит, что нашими ценностями в последнее время сильно интересуются.

– Кто? – спросил второй густым басом.

– Черепушка, – ответил все тот же визгливый голосок. – Из достоверных источников стало известно, что Черепушка знает о наших камушках.

– Опять утечка информации? – вмешался третий голос. – Вы что, ничего в секрете держать не можете? Столько денег тратим на секретность, а о наших главных тайнах каждая собака в Ферске знает.

– Это не из наших каналов утечка. Черепушка добыл информацию через ювелира, – попытался было оправдаться визгливый. – Этот ювелир жидким на расправу оказался, все выболтал.

– Почему вы его раньше не ликвидировали? – поинтересовался третий. Судя по тону, он и был самым главным.

– Ага, ликвидировать. Он нам еще был нужен для второй партии брюликов.

– А что с охранниками-перевозчиками? – спросил бас второго?

– Охранники! Да они собственную задницу охранять не могут, – завопил визгливый, – Твари продажные, их уже в лифте перекупают. Пробная партия исчезла, хотя перевозчик из нашего здания не выходил. Растворился в воздухе, прямо мистика какая-то.

– Ты, Нострадамус хренов! Я тебе такую мистику устрою, родная папа не узнает, – рявкнул главный.

В этот момент Ядвиге удалось незаметно поднять голову и

рассмотреть сидевших за столиком. Голос главного принадлежал Хрюкину.

– Двоих наших в сортире аэропорта замочили. Как пацанов провели. Такие парни... Орлы. Теперь один без света спать боится, другой заикается. Хорошо хоть, в чемоданчиках ничего не было, мы просто маршрут осваивали.

– В следующий раз сам повезешь, если нормальных людей не подберешь. Понял? Сам!

– Я? – в голосе визгливого послышался ужас. – Я не могу! У меня теща, дети на руках! Я в самолете сознание теряю... Бенедиктов, скажи...

– Ладно, не грызитесь, – произнес бас. – Есть у меня человек один, клинически честный идиот. И мыслишка одна неплохая на сей счет. Сейчас я не готов дать ответ на этот вопрос, мне для обсуждения деталей пару деньков надо.

– Ладно, денек-другой переждать можно, но не больше, – согласился идейный вождь «тропистов». – Споем нашу, родную...

Трио разными голосами затянуло: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих...»

Представление закончилось, пора было уползать отсюда. Ядвига с сожалением взглянула на испачканные джинсы и ловко, как боец-второгодок, поползла к выходу.

****

ЧАСТЬ I

Роберт Саввович Тюфяков всю свою жизнь любил биологию и разводил аквариумных рыбок. Вот только связать с ними свою жизнь он не смог, так как после окончания школы его мама Олимпиада Дмитриевна настояла на поступлении сына в один из вузов Ферска на экономическое отделение. «Биолог, – заявила она, – не мужская профессия. Зато экономист – современно и достаточно мужественно! Или экономический, или мой труп!» – поставила она жесткое условие.

Робик, так его звали родители, друзья и соседи, решил, что хобби не стоит жизни родной матери. Экономический, значит экономический. В сущности, для того чтобы разводить рыбок и любить биологию, не обязательно заканчивать биологический факультет. С такими мыслями и чувствами он проучился все пять лет в институте, а потом попал по распределению в небольшую контору «Жилснабкомхоз», в которой и работал по сей день. Работа была не очень сложной, связанной с подсчетом всяких цифр, а значит рутинной. Дело свое Тюфяков знал, был исполнительен, аккуратен и честен, карьеризмом не отличался, сволочностью тоже. За что и был любим всем женским коллективом «Жилснабкомхоза».

Впрочем, на безрыбье и пилочка для ногтей – бензопила «Дружба», а Робик Тюфяков – мечта одиноких женских сер-

дед родного коллектива. Ведь из мужчин в конторе работал только дед Пафнутий, семидесяти восьми лет от роду, да и то ночным сторожем. Был еще, конечно, начальник «Жилснабкомхоза», некто Аскольд Варлаамович Бенедиктов. Но появлялся он в конторе так редко, что только старожилы знали его в лицо и рассказывали легенды новичкам. Поговаривали, что Аскольд Варлаамович имеет свой бизнес, не связанный, а может и связанный, кто их разберет, с конторой. Ходили слухи, что богат он несметно, имеет малиновую иномарку, втрое моложе себя жену и ребенка не то от второго, не то от третьего брака. Почему при всем при этом он числился в начальниках «Жилснабкомхоза», оставалось для всех тайной за семью печатями. Впрочем, о начальнике вспоминали довольно редко, как древние о божестве, только в дни каких-либо природных катаклизмов или великих праздников. Еще меньше думал о нем сам Робик Тюфяков, а зря. Ибо господин Бенедиктов Аскольд Варлаамович сыграл решающую роль в жизни Роберта Тюфякова.

На улице стояла противная погода, характерная для осеннего Ферска. Дворовые собаки прятались по подъездам, бомжи по подвалам, а добропорядочные граждане спешили побыстрее отбыть трудовую повинность и вернуться к теплему домашнему очагу. Подняв воротники своих плащей и курток, наступая в лужи и обдавая друг друга фонтанами грязных брызг, они старались побыстрее добраться до своих контор, кляня погоду, осень, необходимость зарабатывать день-

ги честным путем.

Ничего этого не замечал Робик, он шел, погруженный в свои мысли, не обращая внимания на дождь, пронизывающий холодный ветер. Мысли эти были печальными. Сегодня затосковал его любимый самец редкой аквариумной рыбки. Настолько редкой, что название этой породы Робик забыл, впрочем, как и продавец зоомагазина, залупивший за экземпляр бешеную цену. Рыбка так понравилась Тюфякову, что пришлось отдать за нее деньги, отложенные на зимние ботинки. Бог с ними, с ботинками, такие ценные рыбки были большой редкостью, по утверждению продавца зоомагазина.

Сегодня с утра это золотая по стоимости рыбка отказалась от завтрака. Нужно было срочно что-то решать. Денег не было. До получки еще оставалась целых две недели, мама денег не даст, а у сослуживиц по работе он уже три раза занимал в этом месяце на живых червячков, стоящих все в том же зоомагазине столько, сколько пара батонов натурального финского сервелата.

Занятый тривиальными думами на предмет того, где бы раздобыть денег, Робик не обратил внимания на стоящую у двери их конторы малиновую иномарку. В конторе было как-то необычно тихо, все сотрудницы, несмотря на то, что до официального начала рабочего дня оставалось еще десять минут, работали. Прилежно наклонив головки, они корпели над ведомостями, процентовками, бухгалтерскими ведомостями, отчетами. Никто не подправлял макияж, не пил чай,

не делился новостями прошедшего вечера и перепитиями передачи «Моя фамилия» и «Большая отжимка-выжимка». Но и это не насторожило Роберта, он машинально поздоровался, снял свой плащ, одел длинные сатиновые нарукавники, достал большие канцелярские счеты и погрузился в работу, так что не заметил стоявшую перед ним Людочку-секретаршу.

– Роберт Саввович, Роберт Саввович, – несколько раз звала она его по имени, чтобы обратить внимание на себя.

Робик поднял голову, соображая, чего от него хотят. Переход от мира цифр к миру людей потребовал пары секунд.

– Да? – произнес он, когда до него наконец-то дошло, что девушка обращается к нему.

– Вас просит к себе в кабинет Аскольд Варлаамович.

Робик наморщил лоб, мучительно пытаясь вспомнить, кто такой этот Аскольд Варлаамович. Наконец ему удалось сложить два и два, и он понял, что его приглашает начальник конторы. Это удивило молодого человека, так как за пять лет работы он ни разу непосредственно с шефом не общался.

Робик с некоторым волнением переступил порог кабинета большого начальника. Ничего хорошего от этого вызова не предвиделось, и хотя нагоняя, выговора иди взбучки получить было не за что, Тюфяков нервничал. В конторе давно поговаривали о грядущем сокращении. Одиноких матерей, а их было больше половины, беременных, их тоже набиралось прилично, дам предпенсионного возраста, каковые со-

ставляли оставшуюся треть, по закону уволить было практически невозможно.

Оставалось еще несколько человек, среди них – заведомом Марго, дама тридцати пяти лет, приятная во всех отношениях, по слухам, близкая, о-очень близкая помощница Аскольда Варлаамовича. Секретарша Людочка, имевшая счастье родиться в той же самой деревне, что и господин Бенедиктов. Машинистка Варвара Павловна, приходящаяся очень дальней родственницей матери первой жены Аскольда Варлаамовича. Вероятной кандидатурой на сокращение был он, Робик Тюфяков. Не то, чтобы его нынешняя работа очень уж нравилась ему, но, как говорится, ко всему привыкаешь. А искать, вливаться в новый коллектив – дело не очень приятное. Если честно, Роберт Саввович относился к той категории людей, которые не любят неожиданностей и перемен.

Робик отворил дверь кабинета, куда так редко вступала нога рядового служащего их конторы. В кабинете царил почти спартанская атмосфера, если не считать огромного видеосенсора, притулившегося в углу на модной подставке. Огромный письменный стол, два кресла, традиционный для контор огромный фикус в деревянной кадке и стеллажи с папками. В этих папках хранилась вся отчетность, со времен русско-японской войны до сегодняшних дней. Из-за всей этой макулатуры воздух кабинета пропитался специфическим запахом пыльных старых бумаг, что придавало ему некую прелесть.

– Здравствуйте, – робко произнес Роберт, подождав несколько минут, пока на него обратит внимание мужчина, сидевший за столом.

Затянувшееся молчание Тюфяков использовал в чисто исследовательских целях, он разглядывал своего непосредственного начальника с тем интересом, с каким и рыбок на иллюстрациях в энциклопедии.

Бенедиктов поднял голову от бумаг, которые изучал с внимательным видом, нахмурил брови и пронзительным взглядом окинул Роберта.

– Здравствуйте, здравствуйте, – произнес он, приглашая жестом подойти поближе. – Вот вы какой, значит, Роберт Саввович, наслышан, наслышан. Ваша заведомо, Марго Караваевна, весьма и весьма похвально отзывается о вас. Присаживайтесь, располагайтесь поудобнее, разговор у нас с вами будет долгий.

От этих слов Тюфяков разнервничался еще больше. «Наверное, хочет подсластить пилюлю, прикидывается, что высоко меня ценит», – мрачно подумал Тюфяков. Он уже представил, как собирает свои вещи, получает расчет и идет устраиваться на биржу труда.

– Вот тут у вас в анкете написано, что вы не женаты. Но это когда было, – Бенедиктов перевернул бумаги и уточнил: – Ага, пять лет назад. А как на сегодняшний момент с брачными узами? Вы все такой же неженатый счастливец? – произнес немного игриво начальник.

«Понятно, куда он клонит, сейчас скажет, что раз я не кормилец, то сократить придется меня, А то, что у меня мать, рыбки на руках, это никого не интересует», – с раздражением подумал Тюфяков. Но шефу попытался ответить как можно спокойнее:

– Я не женат.

– Вот и славно, гуляйте, пока молодой. Бытом вы всегда обрасти успеете. А как вы относитесь к авиаперелетам, путешествиям вообще? – задал он вопрос, который поставил Роберта в тупик.

«В командировку, что ли, посылают или в пригород переводят?» – снова подумал он.

– В каком смысле путешествиям? В отпуске я уже был...

– Как вы смотрите на то, чтобы оказать услугу нашему предприятию, нашему городу, мне в частности?

Поняв, что сокращать его пока не собираются, Роберт согласился закивал головой:

– Я очень рад помочь. Что я должен делать? Готов хоть сейчас...

– Ну, это не так срочно. Подумайте хорошенько над моим предложением. Дело в том, что по решению сети наших учреждений были собраны деньги на вакцины для детей Южной страны. Это, так сказать, в целях благотворительности, в рамках программы «Спасем детей мира – будущее нашей планеты». Один из институтов нашего города, занимающийся микробиологией, разработал такую вакцину. Дети

этой страны и их родители ждут не дождутся своего спасения. Так вот, вам, именно вам, выпадет честь передать вакцину несчастным малюткам. Вы, так сказать, выступите в роли доброго доктора Айболита...

– Я готов, тут и раздумывать нечего! – воскликнул Тюфяков.

Конечно, такой шанс выпадает один раз в жизни. Роберт и мечтать не мог о том, что он когда-нибудь окажется в этой точке Земного шара. Ему даже было немножко стыдно, он хотел отправиться в это путешествие потому, что там выращивали огромное количество разнообразных аквариумных рыбок. А рыбки, как вы уже, наверное, догадались, были страстью Роберта Тюфякова. Но и детям он тоже хотел помочь, так как сердце у Тюфяков было доброе и жалостливое.

– Ну-с, замечательно. Только у меня просьба, на работе все оформите как отпуск за свой счет. Особо в подробности не вдавайтесь, я все подпишу. Попозже подъедете по этому адресу, там проинструктируют вас, уладят все формальности. У вас загранпаспорт есть?

– Нет и не было никогда. Ой, наверное, я не смогу полететь теперь...

– Ничего страшного, у вас российский паспорт с собой? Дайте мне документы, и мы все уладим. Только я еще раз вас прошу, о нашем деле ни слова. Я надеюсь на вашу честность и порядочность...

Последние слова шефа польстили Робику, он готов был

даже пожертвовать жизнью, для того чтобы доставить драгоценный груз детям.

Через час Роберт поднимался по ступеням лестницы дома, указанного Бенедиктовым. Сердце его бешено колотилось, в голове молоточками выстукивалось: прик-лю-чение, прик-лю-чение... Он позвонил три раза и два раза постучал, как было условлено. Через минуту дверь отворилась. Ему открыл человек, лицо которого показалось смутно знакомым. Бывает иногда, видишь человека или место, и кажется, что его знаешь, бывал здесь. Дежа-вию, короче. Мужчина был невысокого роста, с густыми лохматыми бровями над маленькими бесцветными глазками, его курносый нос при виде Роберта недовольно сморщился, что придало мужчине сходство с поросенком.

– Здравствуйте, я от Бенедиктова, – как было велено, отрекомендовался Робик.

– Вижу, понял, не глухой. Что, не могли подобрать кого получше? – недовольно фыркнул он, окидывая взглядом неспортивную фигуру Тюфякова. – А впрочем, в этом что-то есть, чем придурочнее, тем больше шансов, – себе под нос проговорил мужчина.

Однако слова эти не могли испортить радужного настроения Роберта, для того чтобы заполучить вожеленных аквариумных рыбок, он мог стерпеть многое.

Роберт проследовал внутрь за хозяином квартиры. Не похоже, чтобы тут жили. Мебель, хоть и новая, отдает какой-то

гостиницей. Точно здесь не было вложено души, как будто кто-то пытался создать временный приют.

Роберт не мог знать, что эта квартира использовалась как конспиративная верхушкой «тропистов», но интуитивно почувствовал казенность атмосферы.

– Так, – скомандовал бровастый, протягивая Тюфякову маленький дипломат, – Чемоданчик вскрывать нельзя, нарушится герметизация и вакцина подохнет. Понятно? Предупреждаю, что для здорового человека ее пары опасны. Это на всякий случай, если тебе захочется сунуть нос внутрь.

– Понятно, понятно, – пролепетал Робик.

– Вот ключ, повесишь его на шею. Он должен быть с тобой всюду, в галюне, в бане. Понял? Ключ отдашь только вместе с чемоданчиком. Замок кодовый, с шифром, тут сто тысяч комбинаций. Код я тебе назову, его назовешь тому же человеку. Предупреждаю еще раз, в нормальных, обычных условиях вскрывать чемоданчик нельзя. Они там вскрыют его в специальной лаборатории, спецсредствами. Понял?

Тюфяков немного обиделся, зачем это недоверие, с его-то патологической честностью? С честностью дело доходило до абсурда, Роберт, даже найдя на улице полупустой коробок спичек, пытался выяснить, кто его владелец. Пятачок, подобранный с земли, он готов был нести в ближайшее отделение милиции, с требованием найти хозяина. Тюфяков ни разу в жизни не ездил зайцем. Однажды ему пришлось через газету разыскивать продавщицу, которая дала ему сдачи больше

положенного. Сумма была весьма скромна – три рубля пятьдесят копеек. На то самое газетное объявление он затратил ровно двадцать пять рублей.

– Ну что вы, честное слово, если бы там даже бриллианты лежали, я бы внутрь не полез! – воскликнул он.

Бровастый вздрогнул, насторожился и вперил свой взгляд, ставший похожим на взгляд упыря-василиска, в Робика.

– Какие бриллианты? При чем тут бриллианты, – угрожающе зашипел он.

– Да это я так, образно, – попытался оправдаться Тюфяков.

– Не надо образно, я этого не люблю! – рявкнул мужчина. – Вот деньги, командировочные, суточные, Там рубли и валюта. Вот загранпаспорт и билеты на самолет. Вылетаете завтра, рейсом в десять утра. Вечером будете в столице страны. Там вас встретят в аэропорту, отвезут на место, передадите чемоданчик, ключи и шифр. Перед этим спросите пароль... Поняли?

Робик не ответил, он пересчитывал деньги, полученные от бровастого.

– Что вы делаете? – заорал мужчина.

Тюфяков вздрогнул и сбился со счета:

– Деньги считаю, я же должен расписку вам дать, потом отчитаться о потраченных суммах. Я так всегда делаю, когда в командировку...

– Ты что, придурок или прикидываешься? Господи, зачем мы с тобой связались! – завопил он. – Не надо никаких расписок. Все, что останется, возьмешь в качестве гонорара за услуги.

– Но ведь тут такая огромная сумма? – удивился Тюфяков, – Я не могу...

Бровастый готов был растерзать Роберта:

– Заткнись, пока я тебя не придушил. Ты должен выучить пароль. В аэропорту тебя спросят: «у вас продаются памперсы для пятилетних мальчиков?», ты должен ответить – «нет, у нас только для девочек!» Понял? Повтори.

Пароль показался очень смешным и почему-то знакомым. Но Роберт послушно повторил его и цифры кода.

– Да, еще, – успокоившись произнес бровастый, – постарайтесь ни с кем не общаться, лишнего не пить, скандалов не устраивать. Понятно? Чем быстрее вы доставите вакцину, тем больше детей будет спасено. Все, идите.

Бровастый вытолкал Робику из квартиры и захлопнул дверь.

Тюфяков бежал по улицам родного города в приподнятом настроении. Нет, это фантастика. Неужели он скоро станет обладателем редких рыбок? Надо же, сбылась мечта идиота!

– Ты чего сегодня так рано? – подозрительно спросила мать, принюхиваясь к Роберту. Спиртным не пахло. – Ты чего такой веселый?

– Я, мама, я... – Роберт вспомнил наставления Бенедик-

това и бровастого: «Не болтай!» – Так просто, хорошее настроение. Меня в командировку посылают, вот и отпустили пораньше. Завтра в десять утра лечу.

– Летишь? – удивилась мать, – Интересно, ты вроде патологически боялся летать. Тебе всегда дурно в самолетах...

«Всегда боялся» и «всегда дурно» было слишком смелым заявлением, в свой жизни Робик летал на самолете всего два раза. В город Эмск и обратно, в гости к двоюродной сестре матери. Было это в трехлетнем возрасте, так что с уверенностью утверждать, как он перенесет полет сегодня, было нельзя. Тюфяков не стал заострять внимание на этом пункте. В конце концов у всякой медали есть две стороны, ради рыбок можно и немного помучиться. Тем более что современная фармакология во многом облегчила участь путешественников, создав массу замечательных таблеток для авиапассажиров.

* * *

Никитенко нацепила комбинезон, повязала пионерский галстук, завязала два смешных девчачьих хвостика. Пилотку-буденовку она надела только в подъезде, слишком яркая, запоминающаяся это деталь. А лишняя эффектность ей не к чему. Она позвонила в дверь нужной квартиры. Адресок этот Ядвига раздобыла через своего информатора. Да, за информацию она платила щедро. В наше время только тот

успешен, кто ею владеет. Этот закон девушка усвоила еще на уроках обществознания в школе.

На звонок вышел тот, кто был нужен, хозяин квартиры, а также обладатель визгливого совещательного голоса в активе движения «тропистов».

– Слава Героям! – по-пионерски звонко воскликнула Ядвига.

– Слава! – автоматически ответил верный и активный член, держа в руках хвостик копченой колбасы.

– Здравствуйте, товарищ Бедофеев, я к вам от секции «Молодая порось, наследники Героев», из деревни Хануровка.

– Да? А это где? – поинтересовался член актива, разглядывая хорошенькую девушку.

– Как где? – обиженно произнесла Ядвига. – Возле Хмыровки. Только там у них другой общество – нудисты!

Объясняя все это, Ядвига притупила бдительность хозяина квартиры и оказалась в прихожей. Она ловко захлопнула дверь ногой, продолжая напирать на отступающего Бедофеева.

– Мы, ваша порось, ваше будущее, хотели бы пригласить на свое отчетно-перевыборное собрание товарища Хрюкина, но, если честно, вы, – тут Ядвига дернула себя за косичку, торчащую из-под шлема, – нам более симпатичны.

Бедофеев, польщенный вниманием хорошенькой «тропистки», зарделся и смущенно опустил глазки, рассматривая

стройные ножки девушки. Вот это и было его ошибкой. Он не успел понять, что метнулось возле его носа, как резкая боль в районе челюсти заставила его покачнуться и присесть. Сверху на него обрушился еще один удар, нанесенный, вероятно, тем, что он несколькими секундами раньше рассматривал с таким удовольствием – ножкой девушки. Хозяин квартиры, охнув, осел на пол и вырубился.

Девушка взглянула на лежащего на ковре Бедофеева. Проблема транспортировки отпала сама собой. Она ловко закатала мужчину в ковер, сняла с вешалки пояс от кожаного плаща и аккуратно перемотала упаковку. Сняла головной убор, вывернула куртку наизнанку. Незаменимая вещь эти двусторонние куртки, прекрасное средство маскировки. Ядвига взвалила тук себе на плечо. Тяжеловато немного, но своя ноша не тянет. Девушка захлопнула за собой дверь, спустилась и прошла к машине, стоящей в соседнем дворе. Она пристроила сверток на заднем сиденье, проверила надежность ремня и села за руль. Минут через двадцать она выгрузила поклажу возле своего дома.

И, как всегда, столкнулась с соседкой:

– Ой, Ядвига, коврик приобрели? Так говорят, что это сейчас не модно?

Ядвига с совершенно серьезным видом ответила:

– Так это специальный, от магнитно-радиационного излучения. Последнее слово техники, секретные разработки. Приятель по случаю достал.

Девушка, воспользовавшись тем, что соседка переваривает полученную информацию, скрылась за дверь своей квартиры.

Ядвига подтащила сверток поближе к свету. Она ловко перерезала ремешок, плотно связывающий ковер. На свет показалась взъерошенная голова свертка. Ядвига выдернула туго скатанный рулон туалетной бумаги, заменяющий кляп, из его рта.

Она склонилась над мужчиной и тихим шепотом произнесла:

– Будешь орать, вместо кляпа в рот засуну твои носки. Смерть от удушья тебе гарантирована.

Испуганный мужик никак не мог прийти в себя, он пытался понять, чего от него хочет эта баба. Напряженная работа мозга не давала никакого результата, кроме головной боли. Сильно гудел затылок в том месте, где прошла ножка похитительницы.

Девушка решила, что достаточно поиграла в кошки-мышки со своей жертвой, и приступила к допросу третьей степени.

– Меня интересует, кто повезет дипломат с бриллиантами? – прямо спросила она.

Мужик вздрогнул. Несмотря на то, что он был запеленут в толстый-толстый слой персидского ковра, ему стало холодно. Зубы начали выбивать барабанную дробь, мужик попытался освободиться от цепких объятий ковра, извиваясь и дергаясь

у ног девушки.

– Мне нужно знать, кто, когда, куда, – жестко произнесла она, ткнув носком туфельки в ковер.

Тюк сжал зубы, закрыл глаза, всем своим видом показывая полное презрение к похитительнице и нежелание идти на контакт.

– Молчишь? Ну молчи-молчи. Для таких, как ты, у меня особое оружие есть. Спецкот. Он на таких говнюков натренирован. Сначала морду тебе коготками подпортит, потом глаза выцарапает, потом нос отгрызет. Или нет, вначале нос, потом глаза? Вам как больше нравится? – нежнейшим голоском поинтересовалась она.

Мужик занервничал, но голосу не подал.

Похитительница позвала:

– Кис-кис, кис-кис, Бэтмен, иди ко мне, котик, иди. Я для тебя бо-ольшую мышку принесла, иди сюда, мальчик мой.

Откуда-то из темноты вынырнула темная тень, поблескивающая огромными зелеными глазами. Кот выгнул спину и с места, без разбега прыгнул спеленутому пленнику на лицо. Животина пристроилась, придавив лапой нос и рот жертвы, перекрыв воздух.

Несчастливым овладела паника, он пытался скинуть мерзкую тварь с лица, но только усугубил ситуацию. Бэтмен выпустил коготки, стараясь удержаться на своем месте.

– Сними, сними, эту тварь, я все скажу!!! – завопил он визгливым голосом.

Девушка подождала пару минут для большей убедительности и сняла животинку с лица несчастного. Она поудобнее устроилась в кресло, закурила и холодно взглянула на свою жертву. Мужик, поняв бессмысленность своего геройства и ощущая глубину падения, выдал все секреты.

– Чемоданчик повезет какой-то лох, я ничего о нем не знаю. Знаю только, что у него билеты на тринадцатое число, рейс в 10.00. С ним полетят два телохранителя. Им приказано, чтобы себя не раскрывали. Они за ним только приглядывать будут. Лох этот в какой-то конторе работает, коммунальщик. Его Бенедиктов где-то раскопал...

Ядвига не поверила его словам. Она ленивым голосом позвала животинку:

– Кис-кис, кис-кис, Бэтмен, иди сюда. Нас тут с тобой за идиотов принимают, давай покажем, что это не так.

Мужик, все еще спеленутый ковром, заорал:

– Честное слово, я правду говорю, хомячком своим любимым клянусь, папой-мамой. Гад буду, чтоб мне облысеть за одну ночь, чтоб мне денег вкладчиков никогда в руках не держать...

Мужик выкрикивал клятвы, одну страшнее другой, стараясь убедить девушку в своей правдивости.

Ядвига достала из белой пачки с золотым тиснением тонкую, длинную сигарету и закурила. Выслушав поток красно-речивых клятв, она произнесла:

– Никогда не поверю, что Хрюкин доверит свои богатства

какому-то мозгляку.

Упоминание фамилии шефа убедило пленного в том, что барышня хорошо осведомлена о делах организации. А раз так, значит, душить ее бесполезно, себе дороже.

– Это правда, правда. Перед ним поедет несколько курьеров-перевозчиков из агентства «Богатырь». У них будут пустые чемоданчики, чтоб с толку сбить тех, кто за сокровищами охотится. Бандиты будут их преследовать, а на нашего придурка никто не подумает. Вот ты бы ботанику доверила брюлики перевозить? Вот и все остальные подумают так же.

– Ну, это уже больше на правду смахивает, – сказала Ядвига, закуривая новую сигарету.

– Смахивает?! – возмутился мужик. – Да это самая натуральная правда. Только тебе камешки тоже не достанутся, даже не рассчитывай, – пленный истерично захохотал.

– Это почему же? – ехидно поинтересовалась Ядвига.

– Да потому, что там... Ой! – мужик прикусил не в меру разболтавшийся язык.

– Бэтмен, Бэтмен, кис-кис, – снова позвала кота девушка.

– В чемоданчике маячок, к нему у Бенедиктова специальная машинка есть, везде запеленгует, хоть в Африке, хоть в Антарктиде. Тебя, если ты, конечно, доберешься до брюликов, все равно найдут... И открыть чемоданчик ты не сможешь, потому что там особая схема. Если полезешь, не зная кода, включится механизм самоуничтожения. И все камушки вместе с тобой вдребезги, – последние слова плен-

ный проговорил мстительным голосом, представляя в ярких красках, как этот процесс происходит. Несколько секунд он молчал, переваривая увиденное. Затем мстительно добавил: – А шифра я не знаю, его только два человека знают. Тот лох, да шеф.

Полученная информация немного огорчила девушку, но она давно привыкла к тому, что в жизни ничего легко в руки не дается.

Девушка вышла из комнаты, налила в кошачью миску молока и покормила животное. Потом она переделалась, ничуть не смущаясь постороннего человека, в джинсы и свитер, взяла сумочку и направилась к выходу.

– Эй, ты, ты куда? А меня покормить? Ты что, международных конвенций не знаешь? Военнопленных положено кормить и не применять к ним никаких пыток, – завопил мужик, обеспокоенный молчанием девушки и ее сборами.

Ядвига вернулась на кухню, достала миску, налила молока и молча поставила перед военнопленным.

– На, лакай, – бросила она и удалилась.

* * *

Ох как здорово перенестись из этой слякотной, холодной осенней погоды в тепло, где пальмы и кокосы, где шумит прибой... Робик мечтательно вздохнул, Солнце, экзотика... Вот удивятся коллеги на работе, когда он через пару дней

появится в конторе. Смуглый от загара, с сувенирами... И тогда, тогда он наберется смелости и обязательно подойдет к Ней и скажет, что все это время, все пять лет...

С такими радужными мыслями Роберт задремал. Ему снились рыбки, резвящиеся в воде, разноцветные попугаи, порхающие по веткам незнакомых зеленых растений...

– Робик, Робик, вставай! – кричали попугаи, почему-то дергая его за плечо.

Тюфяков открыл глаза. За плечо его трясла Олимпиада Дмитриевна.

– Вставай, мы часы перевести забыли. Ты уже опаздываешь. Будильник-то зазвонил, я не тороплюсь. Включила телевизор, а там... Короче, твой самолет вылетает через тридцать минут.

Ничего себе! До аэропорта добираться минут сорок, а еще зарегистрироваться нужно, то да се, пятое-десятое.

Тюфяков застонал от отчаяния. Нет, всегда ему не везет. Один единственный раз выпал шанс сделать что-то благородное, достойное настоящего мужчины и... Бедные-бедные детки, они не дождутся своей вакцины никогда! Нет!

Эта мысль ужаснула Роберта больше всего. Больные дети! Он обязательно что-нибудь придумает, обязательно. Он должен оправдать доверие и спасти жизни детей. Нет, наоборот, спасти жизни детей и оправдать доверие. Тьфу, не важно, что в какой последовательности. Важно действовать как можно быстрее. На ходу одеваясь, проталкивая в рот куски

завтрака, заботливо подаваемые матерью, Тюфяков выско-
чил из квартиры. Хорошо, что у них дома телефон. Пока он
собирался-одевался, Олимпиада Дмитриевна вызвала такси.

К своему самолету он, конечно, опоздал. Но есть ведь и
другие? Тем более в расходах Роберт мог себя не ограни-
чивать. Он кинулся к окошку справочной. Отстояв очередь,
улыбнулся девушке в аэрофлотовской форме.

– Скажите, пожалуйста, какие рейсы есть в Южную стра-
ну?

На улыбку девушка не отреагировала никак. Она, как ав-
томат, щелкнула пальчиками по клавиатуре, взглянула на
экран и ответила:

– Никаких.

– Как никаких? А следующий?

– Следующий будет через неделю, но мест нет. Туда летит
хоккейная команда на соревнования.

– На хоккей? Там же круглый год лето!

– Это хоккей на траве, а травы там предостаточно.

– Девушка, вопрос жизни и смерти. Может, на переклад-
ных можно добраться? Помогите, умоляю.

Тюфяков хотел выть, рыдать, биться головой о стену.

Вероятно, его отчаяние поразило девушку. Она пробежа-
лась еще раз по клавиатуре и радостно сообщила:

– Вам повезло! Есть еще один рейс, только он экспери-
ментальный. Его вылет через двадцать пять минут.

– Девушка, я люблю вас! Говорите!

– Вообще-то я замужем, – произнесла девушка, но номер рейса назвала.

У Робика уже не было времени поинтересоваться, что в этом полете экспериментального. Он на всех парусах мчался к билетной кассе. В голове билась только одна мысль: «Были бы только билеты!»

Кассирша равнодушно оглядела Тюфякова и сухо ответила:

– Билетов нет.

– Нет! – чуть не рухнул на колени Робик. – Не может быть. – Ну, хоть в багажное отделение, хоть где. В туалете? Умоляю.

Тут к кассе подошел толстенький мужчина средних лет. Его жирные щеки тряслись от возмущения. Он отпихнул Роберта от окошка кассы и визгливым голосом произнес:

– Это безобразие, почему вы не сказали, мне, что лететь этим рейсом опасно? Я подвергал риску свою жизнь и жизнь своей супруги! Я буду жаловаться. Я требую, чтобы мне немедленно вернули деньги! – визжал мужик.

Кассирша высунула голову в окошка и подозвала бывшего в конвульсиях Тюфякова:

– Эй, парень, тебе повезло. Тут вот гражданин отказывается от билета на тот рейс. Будешь брать?

– Буду, буду, конечно, буду. Большое вам спасибо, девушка, – чуть не плача, благодарил ее Робик.

Он заплатил за билет и, прижимая чемоданчик с драго-

ценным грузом к груди, ринулся к стойке регистрации. Через минуту он был на посадочной площадке, через две – устранился в салоне самолета.

Роберту некогда было глядеть по сторонам, поэтому он не обратил никакого внимания на молодую женщину, купившую второй билет у трусливого толстяка.

Стюардесса с как будто наклеенной профессиональной улыбкой проводила Роберта к его месту. Выдала спасательный жилет, пакетик для неприятных неожиданностей, сумку с аптечкой, противогаз, пояс с ножом, фонариком, каким-то электронным устройством и ракетницей. Последняя смутила Робика больше всего.

– А это, простите, бесплатно? – поинтересовался Роберт, так как слышал, что в салонах первого класса выпивка и прочие развлечения – бесплатно, а в бизнес-классе за все удовольствия нужно платить. Роберт не знал, в какой именно салон он попал, так что «раздачу слонов» воспринял как нечто само собой разумеющееся. Но уточнить на всякий случай не мешало.

Стюардесса удивленно взглянула на него и поинтересовалась:

– Вы, собственно, знаете, что рейс экспериментальный?

Роберт, испугавшись, что его сейчас высадят из самолета, закивал головой. Если честно, в детали он не вдавался, главное, что самолет летел туда, куда ему было нужно.

Стюардесса продолжала раздавать пакетики пассажирам,

затем удалилась за перегородку с надписью «Только для летного состава». Через секунду оттуда выпорхнула вторая, с такой же улыбкой.

– Дорогие, пассажиры, вы находитесь на борту экспериментального самолета SOS-13. Командир экипажа желает вам приятного полета и просит написать завещания и пожелания близким и родным. Типовые бланки будут вам розданы через минуту.

Тюфяков слегка побледнел, потом посерел. Нет, конечно, он радио слушает, телевизор смотрит и газеты читает. Каждый третий самолет терпит аварию, каждый пятый – разбивается, пассажиры каждого седьмого гибнут все без исключения. Но перестраховываться подобным образом? Это уж слишком. Однако все пассажиры принялись заполнять листочки, любезно раздаваемые стюардессами. Пришлось проделать то же самое и Роберту. В принципе, завещать ему было нечего. Квартира, в которой он жил, принадлежала заводу, на котором Олимпиада Дмитриевна отработала без малого тридцать три года и три дня, машины у него не было, счета в банке скопить не удалось. Вот только рыбка, рыбонька золотая... Роберт подумал и завещал аквариум со всем содержимым той, что сидела в дальнем углу их конторы, той, чей образ будоражил его мысли все пять лет работы.

Роберт оглянулся, его соседкой справа была сухонькая старушка, со слуховым аппаратом, с карликовым пудельком в руках и неприятным, злобным выражением лица. Тюфя-

ков украдкой заглянул в ее листок. Завещание было исписано мелким бисерным почерком. Его содержание несколько удивило Роберта.

«Невестке своей Марии не завещаю ничего, сыну своему, балбесу Петру, машину легковую „Волгу“ – не завещаю, внучке своей свистелке-сверистелке свой золотой браслет и золотые серьги не завещаю...»

Старушка зыркнула в сторону Тюфякова, подмигнула и с видом сообщницы произнесла:

– Мои придурки уже третий раз мне билеты на такой экспериментальный рейс покупают, думают, самолет гикнется, они мои денежки себе и прикарманят. Не дождутся! Я заговоренная, такие, как я, в воде не тонут, в огне не горят. Я их всех еще схороню и на их могилках тустеп спляшу.

Старушка наклонилась над листком бумаги и высунув кончик языка от усердия приписала: «Все свое движимое и недвижимое имущество завещаю хору имени Парижской коммуны бывшего колхоза имени Взятия Бастилии».

Тюфяков отвернулся. «Сумасшедшая», – подумал он. Слева от него сидел крепкий молодой человек, половина головы которого была побрита налысо, вторую украшал длинный хвост. В одном ухе парня болталась серьга, через все лицо шел шрам, кисть правой руки заменял протез. Передних зубов у него не было, а один глаз казался стеклянным. Парень по глотку отпивал из маленькой плоской фляжки и предложил ее содержимое Робику:

– За нас, за экстремалов! Надеюсь, что мы все-таки потерпим катастрофу. На Памир я уже забирался, в море тонул, на диком острове выживал, на медведя с вилкой ходил, по Ниагаре в ванне спускался, а вот падать в самолете еще не приходилось.

Робик с ужасом уставился на парня, так спокойно рассказывающего о своих приключениях и жутких желаниях. А тот, не замечая реакции соседа, продолжал:

– Мои дружбаны как узнали, что на такой рейс билеты купить можно, так скинулись и на день рождения подарили. Я, не поверишь, так расчувствовался, что рыдал. Мы с Колькой хотели лететь, но он не смог. В больнице сейчас. Прыгал с вертолета без парашюта, все бы ничего, да большим пальцем ноги о дверь железную в вертушке долбанулся. Теперь палец загипсованный. Но ничего... На наш век экстрима хватит.

«И этот сумасшедший, – с ужасом подумал нормальный Тюфяков, – Прямо самолет дураков какой-то. Хоть бы один нормальный пассажир нашелся!» Роберт пристегнулся, закрыл глаза, прижал портфель покрепче и начал думать о приятном: об аквариумных рыбках, мотыле, водорослях и головастиках. Однако расслабиться не удалось. Через громкую связь в салон самолета пустили мелодию, смутно показавшуюся знакомой. Волосы на голове Тюфякова встали дыбом и зашевелились.

Через минуту все выяснилось. Приятным голосом стюардесса сообщила, что сейчас пассажирам будет представ-

лен голливудский хит «Титаник», а затем фильм известного отечественного режиссера. Робик готов был поспорить, что фильмом этим будет «Экипаж». Так оно и произошло. Тюфякову стало нехорошо, дара предвидения раньше он в себе не замечал. Но сейчас второй раз его интуиция оказывалась верной. Что-то ему подсказывало, что этот полет будет не очень приятным и очень опасным.

Стальная птица натужно заревела, разбежалась и стрелой ринулась вверх, под облака, поближе к Господу Богу. Робику почему-то захотелось помолиться, но на ум шли только строки какого-то детского стихотворения, никакого отношения к возвышенному не имеющие: «А сегодня наша мама отправляется в полет, потому что наша мама называется пилот».

Стюардесса, как космонавт в полете, громким и четким голосом вещала: «Пять минут, полет нормальный. Шесть минут, полет нормальный. Семь... Восемь... Десять...» Это очень сбивало Робика с духовных или душевных мыслей, но, с другой стороны, отвлекало от мыслей страшных. Он повернулся к соседу-экстремалу, тот посапывал, наглотавшись волшебной водички из заветной фляжечки. Роберт позавидовал такой силе воли, он бы сейчас заснуть не смог. Хотя, если бы выпил столько... Тюфяков вытащил из ослабевших пальцев лысого фляжечку и потряс. Внутри что-то булькало. Есть еще порох в пороховницах. Тюфяков глотнул раз, другой, третий и... Жидкость закончилась. Вернее, коньяк. Экстремал пил на удивление хороший коньяк.

Но, увы! Доза, выпитая Тюфяковым, усыпила его часов на шесть, затем он проснулся и снова захотел выпить. Стюардессы по близости не наблюдалось, и ему пришла в голову идея прогуляться по салону. Он попытался отстегнуть ремень безопасности, но тот заклинило. Робик лихорадочно стал нажимать кнопки на ручке кресла. Хлоп, раскрылся столик, встроенный в спинку кресла впереди сидящего, и больно стукнул его по носу. Дзыньк! Сверху свалился шланг с респиратором, стукнув по макушке.

Вылезло все, но ремень все так же плотно держал Тюфякова в своих объятиях. На панельке оставались еще три каких-то кнопочки. Робику было уже все равно, на что жать. Он нажал на самую большую, с надписью на английском языке. В языках он был не силен, а ведь говорила мама: «Учи, сынок, английский, человеком станешь!» В долю секунды под ногами Тюфякова разверзлась твердь, и он увидел совсем рядом со своими ступнями облака, а внизу, внизу было что-то синее, Бескрайнее с зелененькими кусочками. Море? Океан? Этого Роберт осмыслить не успел. Кресло закрипело, что-то щелкнуло, взревело, и Роберт, вопя от ужаса, вместе со своим креслом покинул борт самолета «SOS-13».

Отряд не заметил потери бойца. Все занимались своими делами: кто-то спал, кто-то пил, кто-то флиртовал... И только девушка, вошедшая на борт вслед за Тюфяковым и не сводящая во время полета с него глаз, стала свидетельницей этого происшествия. Ядвига Никитенко, а это была она, наде-

юсь, читатель об этом и сам догадался, кинулась к иллюминатору, наблюдая выпадение птенца из гнезда. Медлить было нельзя. Девушка изучила кнопки на панели и, нажав нужную, с криком «Банзай!» полетела в бездну вслед за Тюфяковым...

* * *

Не успев ойкнуть, Тюфяков погрузился в пучину волн. Ничем нельзя выразить того ужаса, который сковал все его члены. Нет, Роберт, конечно же умел плавать. Ну, не как Сальников, но очень даже прилично. Он не болел чумкой и не боялся воды, скорее любил плавать. Дело было в другом, в неудобном расположении частей тела по отношению к воде. Голова Робика оказалась под водой, а вот ноги и пятая точка наверху, как поплавок. Еще пара секунд такого бултыхания в воде, и он задохнется: «Прощай мама, прощайте рыбки, прощай... Бедные-бедные детки, они никогда не дождутся вакцины от дяди Роберта».

Роберт смирился с тем, что он уже никогда не окажется на поверхности и не сможет вдохнуть живительного воздуха полной грудью. Но тут его подхватила волна, потащила к берегу и вышвырнула на мелководье. Потом, с таким же шумом и рычанием, она рванула назад, увлекая за собой песок, ил, водоросли. Полумертвый от воды, не верящий в счастливое избавление, Робик пополз к берегу с креслом на спине

и чемоданчиком, зажатым подмышкой. Издали он мог сойти за черепаху или гигантскую улитку. Но вопросы имиджа в данный момент его не интересовали. Имидж ничто, жажда жизни – все! Отстегивать ремень безопасности не было ни времени, ни сил, ни желания. Идти он не мог, плыть – тем более. Ноги не держали его, колени дрожали, и все же он полз. Полз вперед, надеясь на то, что успеет достичь берега, пока не появилась новая, более мощная волна, способная подхватить его, как рачков и креветок, барахтающихся в полосе прибоя.

Роберту повезло, следующая волна лизнула только его пятки.

Доползший до земли, с разбитыми локтями и коленями, но живой, Тюфяков молитвенно вознес руки к небу с диким первобытным воплем. Такой крик, наверное, испускал его далекий предок, когда удавалось обхитрить огромного мамонта или саблезубого тигра. Слов, цивилизных слов белого человека было недостаточно, чтобы выразить всю полноту чувств спасенного. Робик метался по берегу, выл, визжал, делал разнообразные жесты руками и ногами, выписывал всевозможные па. Все его мысли были заняты только чудесным спасением, так что со своим панцирем-креслом он расстался гораздо позже.

Когда эйфория поутихла, Тюфяков начал осмысленным взглядом окидывать местечко, куда его занесло таким странным образом. Нужно было узнать, где он и как добрать-

ся до ближайшего населенного пункта, чтобы телеграфировать родным и знакомым о счастливом избавлении. Солнце огромным апельсином медленно, но верно ползло к закату. Холодная одежда неприятно пощипывала кожу, а в желудке урчало, чемоданчик оттягивал руку.

«Интересно, где здесь автобусная остановка, – подумал Тюфяков. – Или ближайшее отделение милиции? Или почта?» Смутная тревога подкрадывалась словно рысь, на мягких лапах. Через пару минут когти этой самой рыси начали терзать сердце Тюфякова. Ему стало не по себе. Живое воображение рисовало картинку, одна страшнее другой.

Бандиты. Он лежит, абсолютно голый и абсолютно мертвый, в луже крови. Хищные звери. Он лежит, вернее все что от него осталось. Совершенно мертвый, в луже крови. Голод. Он лежит одетый, живой, но совершенно высохший от голода.

Стоп-стоп, – попытался взять себя в руки Роберт. Он попытался вспомнить все, чему его учили в школе на уроках биологии и географии. Надо найти север и юг.

Так, с одной стороны ветки на ели растут гуще, с другой – реже. Роберт огляделся. Елей и сосен и всяких прочих кедров нигде не было видно. Вместо них весь берег был засажен высокими деревьями, смутно напоминающими пальмы. Это открытие испугало его не меньше, чем все предыдущие. Но он тут же успокоил себя, наплевать, что здесь не растут ели. Он все равно не помнит, с какой стороны ветки на них

должны быть гуще.

Так. С выяснением частей света ничего не получилось. Что дальше? Дальше нужно было залезть на дерево и обозреть окрестности. Обязательно найдется шашлычная у дороги, заправочная станция, коммерческий киоск. Асфальтированная дорога и линии электропередач, на худой конец. Вот по этим самым линиям он и пойдет к людям. Пойдет-пойдет и придет.

Подходящее дерево нашлось не скоро. Дурацкие пальмы с практическими гладкими стволами и листьями у самых вершин для лазания по ним человека были абсолютно не приспособлены. Только для обезьян. То ли дело елки или березки, но их не было. А значит, об их существовании нужно было забыть. В конце концов, после долгих поисков Робик нашел дерево, возле которого росло второе, поменьше. Кое-как, с трудом, держась руками за какие-то длинные свисающие гроздьями растения (Робик подозревал, что это лианы), он забрался на самый верх.

Увиденное поразило и испугало его. Местность была потрясающе красивой, как иллюстрация для жюльверновского «Пятнадцатилетнего капитана» или «Детей капитана Гранта». И абсолютно дикой. Никаких линий электропередач, признаков жилья.

– Мама, куда это я попал? – сказал вслух Тюфяков и вздрогнул от неожиданности.

За пару часов пребывания в этом месте он не слышал че-

ловеческого голоса. Только гомон птиц, крики каких-то животных и шум океана. Или моря? В этом он не был уверен. Робик все еще не имел понятия, где он: в России или за ее пределами, на материке или на острове, в населенной части света или необитаемой? Он уже не был так твердо уверен в своей безопасности. Есть здесь дикие, хищные звери или нет? А дикие люди?

Нужно было что-то делать. Робик огляделся. На приличном расстоянии от него виднелась возвышенность, она была достаточно высока, чтобы окончательно убедиться в бедственности положения. Тюфяков почти бегом направился в сторону холма. При ближайшем рассмотрении он оказался гораздо круче, чем хотелось бы.

«Почему люди не летают, как птицы?» – сам себе задал он риторический вопрос, взбираясь почти по отвесной стене холма, а может, и скалы. Интересно, в чем разница между ними? Но раздумывать над такими тонкостями сил уже не было. До вершины этого естественного возвышения оставалось прилично. Основательно перепачкавшись землей, истрепав одежду, он наконец-то добрался до нужной точки. Лучше бы он не делал этого, меньше было бы потрясений.

Волею случая Тюфякова выбросило на остров. Со всех сторон земная твердь была окружена водой, рядом с этим островом маячили еще парочка, меньшего размера. Остров по всем признакам казался абсолютно необитаемым, но Тюфяков отогнал непрошеную мысль. Люди, наверное, просто

не живут в этой части острова. Невдалеке виднелась горная гряда, делящая остров пополам.

«Люди там, они должны, они просто обязаны быть там», – убеждал себя Тюфяков. А что ему еще оставалось?

Роберт начал потихоньку свыкаться с мыслью, что спасать его никто не собирается, а искать – тем более. Значит, выбираться к людям придется самому.

Остров, остров... Может, это Крым? Он ведь почти остров. Слабая надежда, что он недалеко от дома, еще теплилась в тюфяковской душе. Но разум подло подхихикивал и крутил пальцем у виска:

«Где ты в Крыму необитаемые места видел? Там везде или туристов понапихано, или местных жителей».

Роберт прикрикнул ум на разум и решил устраиваться на ночлег. Утро, оно всегда вечера мудренее. Остаться внизу Тюфяков побоялся. Собирать себя утром по кускам не хотелось.

Он спустился вниз, нашел подходящее дерево, толстое и достаточно ветвистое. Чемоданчик Роберт закопал под ним. Земля была мягкой, жирной, рылась легко. Сам пристроился на ветках дерева. Чтоб не свалиться ночью, он примотал себя зелеными канатами гигантских вьюнов, и, обняв ствол руками, постарался заснуть.

Сны снились, один мерзее другого. Финал каждого был не в пользу Тюфякова. Проснулся он с рассветом, когда защебетали птички, зашевелилась живность, кое-кто вышел на

охоту, а кое-кого уже слопали.

Мучительно хотелось что-нибудь съесть. Тюфяков вспомнил про пакеты, привязанные к креслу. Те, что раздавала любезная стюардесса. Тюфяков напряг память – куда он вчера засунул это сооружение? Что-то смутное шевелилось в его мозгу, он попытался восстановить ход событий. Кресло со всем содержимым он, кажется, пристроил на дерево... Или нет? Тюфяков, движимый голодом, отправился на поиски своего имущества. Ему повезло, оно болталось на сучке молоденького деревца, которое Роберт обозвал пальмочкой, хотя на самом деле оно могло ею и не являться.

В кулечках, составляющих экипировку авиапассажира рейса SOS-13, было много чего интересного. Например, будильник, который после морских купаний время не показывал, но издавал устрашающий звон. Пачка презервативов. Интересно, если остров необитаем, для чего они? Шорты, размера на четыре больше нужного Тюфякову. Ну, их при желании можно приспособить под тент.

Еда! Где еда? Задавал себе главный вопрос дня Роберт Тюфяков. Еда была найдена в одном из пакетов. Пачка сухого печенья в пластиковой упаковке. Что удивительно, печенье действительно было сухим. Спички, пачка сигарет с фильтром которые оказались насквозь промокшими. Упаковка какого-то тропического сока, стаканчик с йогуртом и пакетик с ломтиками голландского сыра. Шоколадка «Баунти», как насмешка. Наслаждайтесь на тропическом острове!

Видать, у них в «Аэрофлоте» сидят большие шутники. Роберт выложил свои находки и потряс пакет, в надежде на что-нибудь более существенное, но ничего больше не было. И это все... И все? И все!

Роберт не находил слов, для того чтобы выразить свое возмущение. Выбрасывают из самолета посреди черт знает чего, а сами даже поесть толком ничего не оставляют. Он начал выбрасывать из пакетов все содержимое, под руку попался рекламный проспект этого несчастного рейса. Дрожащими руками Тюфяков взял листовку и начал читать, волосы на его голове поднялись и зашевелились. Только теперь он начал понимать, что это за рейс такой экспериментальный. На борту SOS-13 отработывалась всевозможная спасательная техника для МЧС, средства и приемы спасения авиапассажиров. В случае любой внештатной ситуации у экипажа самолета наготове были припасены разнообразные штуки-трюки. Среди прочих особенностей салоны были оборудованы креслами-катапультами, которые должны были спасти жизнь человека, мчащегося к земле с самолета. Легким движением руки кресло «превращается, превращается» в парашют, спасающий вашу жизнь.

Твою мать! Нажал, на свою голову, спасся! Роберт готов был кататься по земле, выть и кусать локти от отчаяния. Идиот. Нужно было в самом начале поинтересоваться, на чем он летит. Он бы тогда весь полет просидел, не вставая, с поднятыми руками и ногами. А теперь? Теперь предстояло спасти

самого себя, полагаясь только на свои силы. Вот только сил не было, истерика отняла у Роберта их остатки. Измученный переживаниями Тюфяков уснул под деревом и проспал почти сутки.

* * *

Ядвига оказалась в воде минут на двадцать позже Роберта. На воде она держалась гораздо лучше и приземлилась (вернее, приводнилась) удачнее. Она обернулась и увидела огромный столб воды, догоняющий ее. Волна была приличной, из тех, которые любят серфингисты. Девушка задержала дыхание и поднырнула под гребень воды, она гребла в сторону берега. Набежавшая волна накрыла девушку с головой, она почувствовала, как ее тянет к берегу. Ядвига задержала дыхание и поплыла по течению, изо всех сил помогая волне. Спустя пару секунд ее голова оказалась на поверхности, она успела глотнуть новую порцию воздуха, и ее снова захлестнуло, но скоро она почувствовала под ногами дно. Она дала себе передохнуть пару секунд и помчалась к берегу. На ее счастье, волна только подталкивала, а не тащила за собой.

Бежать по шею в воде было довольно трудно. Когда до заветной суши оставалось рукой подать, волна проявила свое коварство. Она нагнала девушку, подхватила ее и со всей силой шваркнула о скалистый берег. Удар был такой силы, что она на секунду оглохла и лишилась сознания. Еще минута

и последняя волна стала бы в самом прямом смысле последней. Ядвига оглянулась на рокочущее чудовище, приближающееся со скоростью спешащей электрички, и сделала последний решительный рывок. Она крепко-крепко уцепилась за выступ берега, прижалась к скале всем телом, как, наверное, никогда не прижималась к мужчине, и, набрав побольше воздуха в легкие, принялась ждать. Волна накрыла ее с головой, попыталась было оторвать от скалы и, разочарованно ворча, отступила прочь. Ядвига ловко вскарабкалась выше и через пару минут нашла площадку, до которой волны не поднимались. Идти дальше не было сил, она легла на теплые камни, закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Проснулась она от того, что кто-то громко крикнул ей в ухо. Ядвига открыла глаза и резко села. Секунды две она не могла понять, снится ли ей сон, или на самом деле находится в таком экзотическом месте. За время своих приключений где только она ни просыпалась, такова уж особенность профессии охотника за сокровищами. Если ты просыпаешься в своей кровати, значит, ты либо болен, либо мертв. Девушка поднялась, с удовольствием потянулась. Нет, это не сон.

Она огляделась в поисках кричащего. Никого. Дожилась, мать, слуховые галлюцинации начались. Не к добру это, ой не к добру... Гортанный крик раздался снова, Ядвига вздрогнула и подняла глаза. На верхушке зеленого дерева сидел здоровенный, с хорошего щенка, попугай. Разноцветное опе-

ренье, хохолок, смешно торчавший спереди, делал птицу похожей на украинского казака. Ядвига поднялась, размяла ноги, сделала пару махов руками, пытаясь восстановить кровообращение. В голове не было ни одной мысли, в желудке — ни крохи пищи. Голова гудела, желудок бурчал.

Девушка, держась за камни, осторожно спустилась к самой воде. Море было тихим и спокойным. Кто бы мог подумать, что вчера здесь все ревело и клокотало? Фантастика. Теплый ветерок ласково трепал волосы, спокойное море мирно лизало носки туфель. Ядвига наклонилась зачерпнуть воды и на мгновенье замерла... Сквозь абсолютно прозрачную воду, как сквозь тонкое стекло, было видно морское дно. По чистейшему желтому песку деловито передвигались маленькие рачки или креветки, чуть заметно шевелились крохотные елочки водорослей.

Девушка умылась и пошла вдоль берега, раздумывая, что делать дальше? Масса других вопросов вытекали из этого: что есть, как выбраться отсюда и как найти Тюфякова? Берег был совершенно пустынным. Доказательствами существования европейской цивилизации были только выброшенные на берег банки, пластиковые бутылки, куски разбитых лодок и прочая ерунда. Мнут через десять она наткнулась на свое кресло-катапульту и пакетики со всякой ерундой. Среди прочих вещей, «заботливо» уложенных кем-то для потерпевшего крушение, можно было найти все что угодно, но не то, что нужно. Особенно рассмешил девушку пакетик с кол-

готками «Sanpeleggrino» и тубиком гигиенической помады. Вот без этих-то вещей, конечно же, выжить на острове просто невозможно. Чертыхаясь, она перебирала вещи, доставшиеся ей вместе с катапультой. Среди прочего барахла, здесь лежал аккуратно сложенный шелковый тент, сшитый из парашютной ткани. Он-то тут зачем? Хоть бы инструкцию какую по выживанию положили.

Хорошо хоть, что ее рюкзачок, специально собранный в дорогу, оказался при ней. Все свое, как говорится, ношу с собой. Могу и чужое прихватить.

«Кстати, о чужом, – подумала девушка. – Пора бы начать поиски этого лоха, пока его дикие звери не растерзали или аборигены не слопали». Насчет диких зверей она еще могла сомневаться, кому его худосочное тело по вкусу придется? А вот с местным населением нужно было быть поосторожней.

Девушка перекусила тем, что послал «Аэрофлот», и, собрав свои вещи, поднялась по едва заметной тропке наверх. Пора приступать к поискам Тюфякова.

На острове было даже ничего себе. Бурная зелень, экзотические растения, животные и птицы. В таком месте можно провести не один день, при других обстоятельствах, разумеется. Ядвига поднялась на небольшой холм, вокруг во все стороны расстилалась дикая природа. Следов Тюфякова не наблюдалось, впрочем, как и следов других людей тоже. Никитенко не представляла, куда на этот раз занесла ее судьба. Если честно, полет не обещал сюрпризов, карты с собой она

не брала, маршрут полета не изучала. А надо было бы.

Почему ей в голову не закралась мысль уточнить, что это за рейс такой особенный? Даже стюардесса с загипсованной рукой не насторожила ее. Мало ли, может, девушка неудачно сошла с трапа. Теперь-то Ядвига начинала понимать, что пилот самолета, проходивший мимо нее, подмигивал не от хорошего настроения. А по самой банальной причине – из-за нервного тика. Понервничаешь тут, если летаешь на самолете-камикадзе. И бортинженер прощался со своей семьей так, как будто это последний полет. Может, и последний. Девушка вспомнила эту трогательную, казавшуюся теперь зловещей, сцену прощания. Молодой красавец, усатый, широкоплечий брюнет, кровь с молоком, отдирает от себя рыдающую жену и старушку-мать. А рядом прыгает пацан лет семи, вероятно, сын, со словами: «Папа, папа, а можно, если что, я твои наушники себе заберу, и лыжи, и...» Теперь понятно, что значит это «если что»...

Ядвига помотала головой, отгоняя воспоминание. Да, что-то с тобой, Ядвигочка, происходит. Теряешь форму. Теряешь. Пора завязывать, пора на отдых, к честной, так сказать, общественно-полезной жизни. Ну, ладно, вот найду бриллианты для «диктатуры героев» и на покой. Так, рассуждая сама с собой, Ядвига отправилась в путь.

Солнце палило так немилосердно, что через час кожа девушки приобрела красноватый оттенок. Еще час такой прогулки и она начнет пахнуть, как подгоревший бифштекс,

а такая перспектива в ее планы не входила. Ядвига решила, что самое лучшее сейчас – затаиться где-нибудь в тени и переждать солнцепек. Тем более что впереди показалась миленькая рощица, как с рекламного плаката для семейного отдыха. Для полноты картины не хватало рядом палатки с мороженым и хот-догами или аккуратненького беленького домика с клумбами и детскими качелями.

Облизывая пересохшие губы, девушка почти бегом устремилась под кроны деревьев, в густую спасительную тень. Высокие деревья сомкнулись, укрыв Ядвигу от солнца, девушка углубилась в заросли, отгоняя надоедливых мошек, которые норовили спикировать то в глаз, то в нос, то в рот. Никитенко прислушалась, откуда-то доносилось едва слышное журчание. Так и есть, впереди серебрился тоненький ручеек, поросший какой-то растительностью, напоминающей камыши.

Ядвига, не разбирая дороги, помчалась к ручью. Вода оказалась пресной, прозрачной, холодной, освежающей. Девушка встала на колени и, отогнав нахальных рыбешек, принялась пить, пить до тех пор, пока в животе не почувствовала тяжесть и поплюхивание, характерное для аквариумов. Ей даже показалось, что внутри у нее шевелятся мальки. Ядвига задрала майку, живот оттопыривался, как после хорошенькой пирушки в стиле Гаргантюа.

Двигаться с места в эту жару не хотелось, девушка легла на дно ручейка и закрыла глаза. Вода отсудила разгоряченное ходьбой тело, сняла усталость с ног. В голове мелькнула

мысль: «А что если здесь водятся крокодилы?» Но она тотчас же попыталась отогнать от себя эти страсти. Крокодилы в пресной воде не водятся, попыталась она убедить себя. Или водятся? Акулы точно не водятся, они в океане...

Невдалеке что-то плеснуло, как будто кто-то ударил мощным хвостом по воде, разгоняя мальков. Ядвига открыла глаза, подняла голову – никого, ничего... Только вот лежать здесь как-то расхотелось, стало неуютно и зябко. Она быстро поднялась и выбралась из ручья, сняла с себя одежду, развесила ее на ветках, достала тент-парашют и расстелила его на мягкой зеленой траве, на достаточно безопасном расстоянии от воды, так, на всякий случай. Можно немножко подремать, сон в отсутствие еды – вещь первой необходимости.

Ядвига закрыла глаза, расслабилась и... заснула. Проснулась она под вечер. Часы встали еще после приводнения, купание в океанической воде на пользу им не пошло, хотя мужик в магазине мамой и папой клялся, что они водонепроницаемые и удароустойчивые, так что наступление вечера она определила чисто визуально, по сумеркам. После отдыха можно было подумать над тем, что делать дальше. Ядвига спустилась к ручью, умылась, напилась, запаслась водой и вышла из рожицы. Она достала шоколадный батончик и, откусывая маленькие кусочки, тщательно и медленно пережевывая, съела его. На данной стадии голода это был почти героический поступок, равносильный полету Белки и Стрелки в космос. Хотелось проглотить шоколадку целиком, да не

одну, а еще лучше бы горячую котлетку... Девушка вздохнула и взяла себя в руки. Пора действовать.

Ядвига догадывалась, в какую сторону ей нужно идти, чтобы отыскать Тюфякова. При разнице катапультирования в двадцать минут, при отсутствии сильного ветра, он должен был находиться где-нибудь поблизости. Но вот находился ли, это бо-ольшой вопрос. Фиг его знает, может, он марафонец и уже умотал на край острова. Может, пока она дрыхла, его уже подобрала спасатели или сожрали аборигены? Такой вариант со счетов сбрасывать тоже нельзя. С другой стороны, сожрали и сожрали, чемоданчик-то у них все-равно остался. Такую гадость они есть не станут, а вскрыть не смогут. Стоп. Если они этого придурка сожрут, то вместе с кодом и ключом. Ключ, положим, оставят себе в качестве трофея-сувенира. Его она в любой момент сможет вернуть назад. А как же она код узнает? Код исчезнет вместе с самим Тюфяковым. Значит, надо поторопиться, пока до Тюфякова ни свои, ни чужие не добрались. Свои его по маячку в два счета найдут, как только поймут, что он пропала, запеленгуют где и вышлют поисковую бригаду.

Ядвига прибавила шагу, прокладывая себе дорогу среди зарослей острова, освещая путь фонариком, любезно предоставленным спонсором ее путешествия – «Аэрофлотом», чтоб мать его за ногу... Ее целью была небольшая возвышенность, маячившая впереди, взобравшись на которую, можно было оглядеть окрестности.

В сгустившихся сумерках то там, то здесь раздавались рычания, попискивания, поухивания. Остров жил своей, непонятной для цивилизованного человека, ночной жизнью. В мощном луче фонаря трепыхались здоровенные бабочки, страшноватые насекомые, скакали и ползали какие-то маленькие юркие твари, названий которых она не знала. Сейчас Ядвигу беспокоило только одно – как бы не попасть на ужин к какому-нибудь клыкастому котенку или острозубой ящерице.

Девушка уже ругала себя за то, что отправилась в путь так поздно. Хотя неизвестно, что лучше – солнечный удар или опасность стать чьим-то ужином? И все же удача, как всегда, осталась на ее стороне. До возвышенности она добралась почти без приключений, пара ссадин, подвернутая нога и разорванная футболка не в счет. Девушка взобралась на вершину и, естественно, ничего не увидела, все скрыла ночь. Ну что ж, подождем до утра. Как говорится, утро вечера трезвее.

Оставалось решить один вопрос: где спать? На дереве или на земле. Решение пришло быстро. Ядвига распаковала рюкзак, достала все тот же тент-парашют и соорудила из него что-то напоминающее гамак. Благо деревьев здесь было больше, чем в центральном горпарке Ферска. Девушка положила под голову рюкзачок, намазала лицо, шею, руки кремом против всякой мошкары. Крем тоже был положен среди необходимого минимума вещей для потерпевшего катастрофу. Правда крем носил громкое родное название «Тайга», а остров был тропическим. Но кто знает, если наш таежный

гнус, комары и мошкара от него не дохнут, может, их заморские братья к этой отраве относятся лучше, вернее, больше эту гадость бояться. Наши-то столько всякой прелести в своей жизни нанюхались, что для них все эти репелленты, или как их там еще, как дитенку мороженое.

С такой надеждой Ядвига закрыла глаза и постаралась уснуть. Это ей удалось, вот только сон не принес никакого отдыха.

Утро она встретила с ужасным самочувствием, во рту было гадко и противно, ее знобило. Она зябнула так, как будто на улице минус тридцать вместо плюс сорока. Голова раскалывалась, все тело сотрясал озноб. Несколько часов ее бросало то в жар, то в холод, выступила легкая испарина. Она не могла есть, пить, да и есть-то, собственно, было нечего. Только тропической лихорадки ей не хватало. Вот гады, никому верить нельзя. В фирме, где оформляли визу, готовили заграничный паспорт и улаживали все формальности, клялись и божились, что все прививки, сделанные их высококвалифицированным специалистом, за немалые, кстати сказать, бабки, дают стопроцентную гарантию от всяких лихорадок, микробов, экзотических болезней. Что же они кололи? Вероятно, глюкозу. А как же клятва Гиппократа?

Идти куда-нибудь в таком состоянии было просто глупо. Сейчас она не только Тюфякова, но и носки собственных кроссовок не увидит. Хорошо, что наш брат турист ни на кого, кроме себя, не полагается. Ядвига достала свою аптечку

и проглотила целую горсть таблеток, предусмотрительно захваченных с собой.

Девушка забралась в свой гамак и уснула, проспав почти сутки. Проснувшись, чувствуя себя гораздо лучше, только ужасно слабой. Может, все-таки прививки помогли? Фиг их знает. Покряхтывая, девушка сползла с гамака, достала пакет с нарезанными кусочками сыра и без аппетита пожевала. Она достала фляжку с водой, сделала пару глотков. Вода была мерзкой теплой, затхлой, как бочковое пиво на забытой точке в жаркую летнюю пору. Ядвига достала зеркальце и взглянула на свое отражение. Она невольно присвистнула. Увиденное впечатляло. Загорелая дочерна, изможденная островитянка с перепутанными волосами и измазанным лицом. Летайте самолетами «Аэрофлота», называется. Ну, Тюфяков, ну, погоди! Дай только до тебя добраться, ты у меня за все ответишь.

* * *

– Как исчез? Мать твою, да я тебя на кусочки порву, я тебя... Я тебя... О-ооо!!! А-ааа!!! У-ууу!!!

Вопли из кабинета с каждой минутой становились все сильнее и сильнее. Дзынь, хряп, плюх, шлеп! Секретарша загибала пальцы и шептала:

– Вазочка хрустальная, сервиз сербский, телевизор «Soni» с видиком, аквариум, настольная лампа...

На секунду за дверью сделалось тихо, девушка с облегчением вздохнула. Бить больше нечего, значит, сейчас успокоится, попросит чего-нибудь выпить и все. Не тут-то было, в кабинете снова раздались вопли, причем с той же силой. Девушка взглянула на белые круглые часы, висевшие на стене приемной. Это началось примерно минут пятнадцать назад. Ничего не предвещало такой бурной вспышки. С утра, наоборот, было очень тихо и спокойно. Ее шеф, известный в городе бизнесмен, уважаемый человек, кандидат в депутаты Аркадий Виссарионович Хрюкин, появился в офисе улыбающийся и даже радостный.

Он вошел, насвистывая свою любимую песню, слов которой секретарша не знала. Вернее, никогда не слышала, потому что на ее долю пионерского детства не досталось. Дитя Перестройки, она не была ни октябренком, ни пионеркой. А песенка была самая что ни на есть пионерская: «Взвейтесь кострами, синие ночи», только девушка этого не знала. Однако успела изучить привычки шефа. Если Аркадий Виссарионович насвистывает эту мелодию, значит, сегодня можно уйти с работы пораньше или попросить прибавки к жалованию, или...

– Доброе утро, Катюша, – поздоровался директор, остановившись перед столом секретарши. – Молодость, молодость. Вы хорошеете с каждым рабочим днем. По-моему, нам пора познакомиться поближе, так сказать. Почитать вместе классиков... Как вы относитесь к классикам? – пошутил шеф.

Катюша мило покраснела от удовольствия и, кокетливо откинув прядь за ухо, произнесла:

– Ой, Аркадий Виссарионович, что вы говорите, я с удовольствием. . .

Кто такие классики, она не знала, так как в школе была занята чтением только одной литературы – толкового словаря по «Камасутре», до всего остального руки, вернее, голова не доходила. Катя, дитя своего времени, предпочитала заниматься любовью, а не читать о ней. На курсах секретарей классическая литература в программу тоже не входила. Здесь обучали совсем другой азбуке: как сварить кофе, как правильно его подать, как облегчить существование шефа во всех смыслах этого слова. Ну и сверх программы, давали азы машинописи, работы на компьютере и всякой фигни, не обязательной для хорошенькой секретарши. Машинопись, стенография и прочая дребедень обязательна для тех, кто не вышел ни рожей, ни кожей. Чего о Катеньке сказать было никак нельзя. Она уже в третьем классе стала Мисс Начальная Школа, потом Мисс Средняя Школа, потом Мисс Выпускной Класс, потом Мисс Самый Большой Супермаркет Города.

Сами понимаете, что с такими данными девочку переводили из класса в класс за красивые глаза, какие уж тут классики и современники. Ну а среди прочих призов супермаркет обеспечил Катеньку бесплатной учебой на курсах секретарей-референтов в самой престижной школе города Фер-

ска. Престижной она была потому, что именно здесь был самый высокий процесс «выходимости» замуж секретарш за своих шефов. А, как говорится, плоха та секретарша, которая не мечтает стать женой своего шефа.

Так вот, в то утро Катерина, как ей показалась, дождалась своего звездного часа. Шеф обратил внимание на ее «образование». Находясь в предвкушении интимного ужина, девушка не обратила внимание на частого посетителя, можно сказать, почти друга Аркадия Виссарионовича, господина Бенедиктова Аскольда Варлаамовича. Господин Бенедиктов промчался мимо Катеньки, не сказав ни слова, хотя обычно отпускал комплименты, приглашал прогуляться при луне или в консерваторию. Что делать в консерватории (консервы есть, что ли), Катерина не знала, потому отказывалась. Эти приглашения стали традиционными, но сегодня традиция была нарушена в первый раз за все время работы Катеньки. Аскольд Варлаамович, бледный, тяжело дышащий, ринулся прямо в кабинет, игнорируя девушку. Секунд тридцать за дверями его стояла гробовая тишина, а потом началось это...

Причина такого необычного поведения была скрыта от секретарши, но мы-то с вами, дорогой читатель, можем догадаться, чем оно было вызвано. Конечно же, исчезновением Тюфякова вместе с содержимым его чемоданчика.

Сообщение о том, что Роберт не долетел до Южной страны, Бенедиктов получил накануне. Ему позвонил человек,

который должен был встретить Тюфякова в аэропорту. Куда делся этот урод, было неизвестно. Бенедиктову удалось узнать только одно, что этот придурок опоздал на самолет, но пересел на другой и все... На самолет-то он сел, но из него не вышел.

Полтергейст, блин. Главное, самолет, что в наши дни большая редкость, согласитесь, долетел нормально, а вот Тюфяков не долетел. Аскольд Варлаамович заплатил бешеные бабки, чтобы выяснить на чем улетел этот лох, это... Дальше эпитеты носили нецензурный характер и мы решили опустить их, чтобы не смущать читателя. Что с ним стало дальше, было неизвестно. Это был спецрейс, все материалы носили гриф «секретно» и были спрятаны в архивах, близких к ФСБ. Тут уж деньги были бессильны, а связями на таком уровне Бенедиктов не обладал. Они находились в компетенции только Аркадия Виссарионовича. Самое ужасное было в другом, почему-то напрочь отсутствовал сигнал маячка – что-то разладилось в хитром механизме, который должен был улавливать сигналы из чемоданчика. Где сейчас может быть Тюфяков, Бенедиктов даже не догадывался. Его, правда, заверили, что коробочку можно починить. Для этого необходимо достать кое-какие механизмы, но на это нужно было время. А времени у Бенедиктова не было.

Попрощавшись поутру с семьей, любовницей, составив завещание, Бенедиктов поехал к Хрюкину сообщать о пропаже Тюфякова, а главное, заветного чемоданчика с камуш-

ками. Что случилось дальше, вы уже в курсе.

Хрюкин в первую минуту не понял, в чем, собственно, дело, при чем тут какой-то Тюфяков, потому что Бенедиктов шептал что-то невнятное трясущимися губами. Но когда до него дошли масштабы случившегося...

Хрюкин с некоторым садистским удовольствием метал в голову Бенедиктова тяжелые предметы. Тот делал слабые попытки уклониться от летящих снарядов, прикрывая голову руками и слегка пригибаясь. Оказывать активное сопротивление взбешенному главе «тропистов» он не решался. В конце-концов, тяжелых предметов в кабинете оставалось все меньше и меньше, господин Хрюкин (или его дизайнер) был сторонником примитивизма в интерьере. Бенедиктов мысленно вознес хвалу Господу за того мудрого неизвестного художника, который заботливо освобождал от лишних вещей кабинеты заказчиков.

Бенедиктов уже почти не боялся. Самое страшное произошло, он поставил шефа в известность о случившемся, сейчас нужно было переждать бурю. Что в конце-концов и случилось. Гнев Аркадия утих, силы иссякли. Он устало присел в кресло, вытер широкое потное лицо белоснежным платком со своими инициалами, достал трубку, набил ее табаком и закурил. Бенедиктов наблюдал за этими манипуляциями не шелохнувшись, молча. Он знал Хрюкина еще в те времена, когда тот был не господином, а просто уткой по кличке Хрюк. Только тогда он не кидался тяжелыми предметами,

а бил морду или просто шмалял из «макарова». Но и тогда Хрюк быстро остывал, закуривал «Приму», приходил в себя. Главное, дождаться этого момента, оставаясь в живых. А Бенедиктов обладал известным терпением и жизнелюбием, а что еще остается кормильцу нескольких бывших и нынешних жен и любовниц, пары-тройки законных и незаконных детей? Только терпеть.

Минут через двадцать Хрюкин успокоился.

– Ну, морда козлиная, что делать будешь? Как наши камешки искать станешь? Соображения есть?

Бенедиктов откашлялся, сделал несколько мелких шажков навстречу шефу и виноватым тоном произнес:

– Я тут подумал, мозгами пораскинул...

– Пораскинул, говоришь. Смотри, как бы в буквальном смысле этого не случилось, – рывкнул Хрюкин.

Но Бенедиктова эта вспышка не испугала, так как по опыту он знал, что этот рык – остаточное явление, так сказать, буря в стакане воды. Он терпеливо продолжил объяснения.

– Мне удалось выяснить, что самолетик был с секретом, только секретик этот в одном серьезном ведомстве находится. Тут без твоих знакомых олигархов не обойтись. Они ведь и сами заинтересованы в том, чтобы брюлики нашлись. Как-никак, процент солидный с них имеют.

– Ты с каких это пор чужие проценты считаешь? – съязвил Хрюкин.

Бенедиктов смутился, покраснел. Вопрос о столичных

олигархах был больной темой. Если честно, Бенедиктов всегда выступал против их участия в деле. Без движения «тропистов» у них своих кормушек воз и маленькая тележка имеется. А теперь вот им самим помощь этих самых олигархов понадобилась...

– Ладно, – произнес вконец успокоившийся Аркадий Виссарионович, – все материалы, которые собрал, мне на стол, разберемся.

Хрюкин нашарил рукой кнопку вызова секретарши:

– Катерина, принеси нам чего-нибудь выпить.

Через секунду в дверях появилась симпатичная мордашка девушки. Она поставила поднос на стол и подала стаканы с белой жидкостью Хрюкину и Бенедиктову.

Аркадий Виссарионович поднес стакан ко рту, отхлебнул и тут же выплюнул. Лицо его побагровело, и без того маленькие глазки сделались щелочками:

– Это что? – взвизгнул он, обращаясь к секретарше.

– М-молоко, – растерянно произнесла девушка.

– Мо-ло-ко?! – по слогам, издевательски, произнес шеф.

Катерина подхватила стакан и, сделав глоток, утвердительно покачала головой:

– Молоко, – произнесла она.

– Сколько раз я просил не подавать мне с утра молоко. Молоко, пойло для лохов!!! Ты что, телевизор не смотришь?

Девушка, вытаращив глаза, обалдело уставилась на хозяина. По телевизору она смотрела только две передачи: транс-

ляцию «Тарзан-шоу» и «Новости шоу-бизнеса». При чем тут молоко и телевизор, она не поняла.

– Я по утрам пью кефир. Ке-фир, ке-фир!!! Сейчас же убери эту гадость вон.

Секретарша схватила стаканы со стола и почти бегом покинула кабинет. Она прикрыла за собой дверь и, размазывая по щекам слезы пополам с косметикой, уселась на свое место. Вот не повезло – молоко, кефир. Какая разница? И то и другое белое, лишь бы придраться к девушке.

Катерина погрозила кулачком в сторону закрытой двери и тихим шепотом произнесла:

– Сатрап! Сатрап! Сатрапище, полный сатрап, вонючий сатрап...

Это слово, единственное, вынесенное ею с уроков истории, значило самую высокую степень негодования. Она смутно представляла его смысл, но как ругательство звучало оно необыкновенно красиво. Через минуту снова раздался голос Хрюкина:

– Катерина, кофе и коньяк. Живо, потом слезы польешь!
Девушка вздрогнула. Откуда он знает, что она плачет? Неужели сквозь стены видит? А раз видит, значит, и слышит? Девушка поежилась, вытерла слезы и приступила к чисто секретарским обязанностям. Когда спустя некоторое время она появилась в кабинете с дымящимся кофе на подносике, шеф беседовал с кем-то по телефону. С появлением секретарши он прервал разговор, дождался, пока девуш-

ка оставит поднос и выйдет из кабинета, а затем продолжил:

– Так, понятно. Спасибо. Да, я записал, все записал. Хорошо, спасибо. Передавай привет. На дачу? Да, хорошо, пришлю за тобой самолет. Ну что ты, что ты. Всегда рад. Что с ним станется. У меня не какой-нибудь там экспериментальный, у меня самый обычный «Ил». На нем из вашей столицы до нас минут тридцать, туда и обратно доставим в целости и сохранности. Ну, пока, супруге привет.

Все это время Бенедиктов, как и полагается проштрафившемуся компаньону, сидел молча.

– Ну-с, Аскольдик, с тебя ящик марочного коньяку и бидон кефира, фруктового. Повезло тебе. Действительно, рейс был экспериментальным, в дороге пропало два пассажира. Наш придурок и баба какая-то. Катапультировались случайно. Военные засекли в районе Барибских островов два неопознанных летающих объекта. Сначала думали, что американцы новые ракеты испытывают. Связались с Вашингтоном, ноту протеста отправили. Те отказались, у них сейчас никаких испытаний не проводится, у них там вообще национальный праздник какой-то, законный выходной. Наши туда-сюда, к арабам, китайцам, японцам сунулись. Те отказались. Потом картинка со спутника пришла, ее увеличили, а там два самолетных кресла. Значит, наши, больше некому.

– Слава богу! Нашелся и где он?

– Не торопись-пись-пись, – пропел шеф, – он не нашелся. Прибодрись-дрись-дрись, – снова протянул Хрюкин, под-

дразнивая Аскольда. – Он сейчас вместе с нашими камешками по какому-то острову мотается, если его, конечно, акулы не сожрали. Остров официально считается ничейной землей, на него не распространяется юрисдикция ни одного государства. Можно назвать его необитаемым.

Бенедиктов побледнел, его затрясло от дурных предчувствий.

– А что спецслужбы, почему не ищут? Насколько я понимаю, этот эксперимент с их подачи проводится? – спросил он закуривая.

Хрюкин усмехнулся:

– А они теперь другой эксперимент проводят, на выживание. Экстремалы херовы, чужими руками жар загребают. Они решили за этой парочкой со спутника понаблюдать, ну а потом вмешаться. Хотят посмотреть, сколько человек на подножном корме вытянуть сможет...

Хрюкин закурил и почти весело сказал, хлопнув Бенедиктова по плечу:

– Так что повезло тебе, Аскольдик. В океане поплещешься, на солнышке позагораешь и все за счет организации...

– Не понял – растерянно произнес Аскольд Варлаамович. – Я вроде в отпуск не собираюсь, тем более на юг.

– А жить ты собираешься? – прошипел Хрюкин, буравя порсячьими глазками компаньона.

– Ты это... чего? Я это... того, – пытался подыскать слова Аскольд. – Я-то тут при чем? Я ему билеты на нормальный

рейс заказывал...

– При том, голубь, при том. Ты нам этого придурка подсунул, ты его, родимого, отыскал. Тебе и разбираться, если, конечно, не хочешь, чтоб с тобой разобрались. А может, ты того, нарочно, его нам подсунул. Может, у вас договор? Ты нас на бабки кинешь, потом с ним встретишься и все в ажуре? – проговорил Хрюкин таким зловещим тоном, что у Бенедиктова по спине побежали мурашки величиной с грецкий орех.

– Да я это... того, не отказываюсь. Ты что, Хряк?... – от волнения Аскольд Варлаамович назвал шефа старым прозвищем.

– А раз не отказываешься, значит, собирайся. Полетишь один, лишний шум нам вокруг этого дела не нужен. Завтра же я с военными свяжусь, узнаю примерный квадрат высадки, да и насчет полета с ними договоримся.

Хрюкин взглянул на часы, красноречиво указывая на то, что время аудиенции исчерпано.

– Бывай, надеюсь, вернешься с камешками... А мы пока за твоей семье присмотрим, чтоб без глупостей. Доверяй, но проверяй.

Бенедиктов вышел из кабинета, ощущая спиной тяжелый, пронизывающий до печенок взгляд Хрюкина. Он понимал, что у него есть совсем крохотный шансик вернуться назад с камешками. Один шанс из тысячи, что он отыщет этого придурка Тюфякова на здоровенном острове. Ох, если он его отыщет, страшно подумать, что он с ним сделает...

Катенька оторвалась от своего важного занятия – она красила ногти – и улыбнулась выходящему Бенедиктову, но тот не обратил на улыбку никакого внимания. Девушка сморщила носик и процедила ему в спину:

– У-уу, морда хамская...

Через секунду раздался бодрый голос шефа:

– Катерина, Катюша, Катюнчик... срочно соедини меня с номером 123-456-789.

Девушка со вздохом отложила кисточку и принялась накручивать диск, стараясь не испортить окрашенные коготки.

* * *

Черепушка снял докторский стетоскоп, с помощью которого он прекрасно слышал все, что происходило в офисе Хрюкина.

– Слышал?

– Да, шеф, усе слышал, – произнес Рыба, кивая головой.

Он потерял свое огромное ухо, которое было приставлено к холодной стене. Ему, как низшему по званию, стетоскоп не полагался, да и был без надобности. Уши Рыбы были чутким инструментом. Природа, обделив мозгами, наделила его тонким слухом. Таким, что он мог слышать, как воркуют молодые в своей спальне, находящейся двумя этажами выше. Он мог на слух, по звуку полета, различить самца или самку мухи. Был способен даже расслышать топот тараканов в со-

седней квартире. Вот таким редким слухом обладал Рыба.

Хрюкин даже не подозревал, что с некоторых пор банда Черепушки находится в курсе всех его дел, получает новости, так сказать, из его, Хрюкинских, уст. Конечно, Черепушке пришлось затратить много бабок, приложить достаточно усилий, чтобы оказаться в этом здании, в этом помещении, граничащем с офисом Аркадия Виссарионовича.

На самой престижной улице Ферска все дома были построены друг к другу. То ли из экономии места, то ли по задумке уже неизвестного архитектора. Двухэтажные особнячки давно были скуплены удачливыми бизнесменами, не желающими иметь офис по соседству с другими. Конкуренты в одном с тобой здании, это не очень приятно. Снять целый особняк – оно и престижней и безопасней.

Бизнесменам, ревниво охраняющим свои коммерческие тайны, было невдомек, что любой человек, находящийся в соседнем доме, может спокойно приставить ухо к общей стене и услышать все, что пожелает. Конечно, евроремонты, антишумовые панели гарантировали полнейшую изоляцию от улицы и соседей. Но, как говорится, против лома нет приема, если нет другого лома. Было бы желание, придут к тебе и знания.

Черепушка в бытность свою учеником строительного ПТУ города Ферска хорошо изучил эти особенности старинных особнячков на главной улице. В те времена на практику их водили в эти самые дома, которые ремонтировались

за счет жилищно-коммунального хозяйства города. Пацаны развлекались тем, что подслушивали семейные тайны, бытовые подробности из жизни рядовых граждан Ферска, вместо того, чтобы практиковаться в окраске стен и оклейке их обоями.

Черепушка ни дня не проработал на стройке, но полезные знания, приобретенные в ПТУ сохранил на всю жизнь. А строителем, тогда еще коммунизма (строили в те времена не только дома, но и светлое будущее), Черепушин Владимир Ильич не стал. Так как организовал из своих соучеников банду малолетних хулиганов, разбойничал, домушничал по мелочам. Попался, был взят на поруки, снова попался и покатился по наклонной плоскости, пока не поднялся по уголовной иерархии до пахана, бандитского авторитета Черепушки. Только теперь братки, возглавляемые им, не грабили сигаретные ларьки, не отнимали пенсию у старушек, а занимались «новыми ферчанами» и их имуществом.

К Хрюкину у Черепушки был особый счет. Когда-то они вместе сидели на одних нарах, делили пайку и курили одну на двоих... Потом их дорожки разошлись. Хрюкин стал корчить из себя цивильного, с братками дел вести не хотел, вобщак не отстегивал. Короче, по всем статьям превратился в ренегата и предателя, идейного врага. Так что когда Черепушка узнал о создании партии, о сборе пожертвований, то быстро сложил два и два и начал охоту за бриллиантами.

Вначале дела шли успешно, людям Черепушина удалось

вычислить ювелира, даже хапнуть первую партию брюликов. Потом начался бардак. Последний прокол чуть не довел Черепушку до родимчика. Грамотно спланированная операция, проведенная в сортире аэропорта, принесла кучу всякого хлама. Черепушка решил: пора подбираться к Хрюкину вплотную. «Вплотную» к его кабинету оказался особнячок, занимаемый Областным Советом Пенсионеров города Ферска и Ферской области и Центром творчества пенсионеров, в просторечье нарекаемый Домом Старперов.

Вначале Черепушка хотел арендовать нужную комнатку, ту которая имела общую с Хрюкиным стену. Но вредное старичье никаких помещений сдавать не желало. У них, видите ли, там кружок бальных танцев занимается, а других помещений нет. Напряженка у них с помещениями. Черепушин не поленился, пошел посмотрел на этот кружок «перестарых лебедей». Зрелище, на его взгляд, было гротескное. Семидесятилетние молодушки вытанцовывали вальсы и ча-ча-чи, с восьмидесятилетними хлопцами. Руководила этим кружком шестидесятилетний хореограф, бывшая прима-балерина Ферского театра оперы и балета. Черепушин всеми правдами и неправдами попытался завладеть этим помещением, но божьи одуванчики уперлись.

Черепушин решил, не будет членов кружка, не будет танцев. Не будет танцев, помещение сдадут. Братки начали обработку пожилых танцовщиц, кому сулили деньги, кого пугали физическим воздействием, кого пристроили на работу.

Ничего не получилось. Божьи одуванчики сбились в дружинку, встречали провожали друг друга, записались в кружок самообороны (который находился тут же, в здании). Короче, ответили автопробегом по бездорожью. Самым страшным оказалось не это. Часть братков записалось в разнообразные кружки Дома Старпера, отказалось от братковской жизни и вступили на путь исправления. Черепушка понял, с эти надо завязывать, пока он сам не записался\$7

Пришлось часть общака пустить на то, чтобы купить особняк побольше и поменяться со старперами. Так сказать обмен, с расширением. Таким образом в распоряжении Черепушина и его команды оказалось огромное здание. Правда, часть денег Черепушин вернул, ненужные помещения он быстренько сдал, под всякую ерунду, а сам вот уже месяц просиживал возле заветной стены, вслушиваясь во все, что происходит у Хрюкина. У этой стены был пост номер один. Днем и ночью бдительные братки, возглавляемые ушастым Рыбой, сменяя друг друга, бдили за всем, что происходит в офисе врага.

– Ну, Хрюк, какую свинью подложил, провел меня как пачана, как лоха, как... Пока мы за охранниками из «Богатыря» следили, он брюлики другой дорогой отправил, – метался по комнате Черепушка. Он подошел к огромному аквариуму, стоящему в углу комнаты, и зачерпнув, воды напил, выплюнул водоросли. Перевел дух и, обратившись к Рыбе, приказал:

– Значит так, звони Мальвине, пусть возьмет Громилу и Чебурека и дует сюда, за инструкциями. Потом поедете оформлять документы. К Бенедиктову нашего человечка приставь. Чтоб он за ним везде, даже в сортире ходил. Если что, смотри у меня... – Черепушка помахал здоровенным кулаком перед носом, таращившего глаза, Рыбы.

– Шеф, усе будет в абажуре. Не сумлевайся... – Рыба поднялся с пола и бочком, по стеночке выбрался из комнаты, стараясь на напороться на кулак Черепушки.

Через час в кабинете Черепушки собралась вся команда. Лысая девушка, Мальвина, с которой читатель уже успел познакомиться, и еще два братка. Маленький, плюгавенький, в профессорских очечках и небольшой проплешиной, аккуратно покрытой нежным пушком, по прозвищу Громила. Второй, длиннющий, тощий, совсем зеленый пацан с огромными, оттопыренными ушами, по прозвищу Чебурек, производное от Чебурашки. Прозвище свое он получил за эти самые, оттопыренные уши. Но, посудите сами, кто может бояться и уважать бандита с таким мультяшным именем? Так из Чебурашки получился Чебурек.

Из этой троицы самой опытной была Мальвина, она имела и приличный бандитский стаж и умную, хотя и бритую, голову и крутой нрав. Владела всеми видами оружия: от рогатки, до гранаты.

Черепушка с раздражением оглядел свое воинство, за бриллиантами посылать нужно крутых мужиков, а эти... Од-

нако, на безлошадье и осел, арабский скакун. Все крутые пацаны были заняты. У Долбаря выставка поделок из глины, у Кастета – шефский концерт хора, Гроб – на конкурсе бальных танцев, в возрастной группе кому за 50. Да, раньше, раньше надо было этих старперов отселять, еще до того как братки всей этой дребеденью не увлеклись. А теперь...

– Значит так, дело вам предстоит трудное, но вознаграждение за него будет приличное. Во всем слушаться Мальвины, она у вас за бригадира будет. Понятно?

Громила и Чебурек согласно кивнули, они во все глаза смотрели на шефа, так близко они его никогда еще не видели. Громила и Чебурек были людьми новыми, необстрелянными, к Черепушке их не допускали. Сегодняшнее совещание делало их значимее в собственных глазах. Наконец-то им доверили важное дело, они смогут доказать чего стоят.

– Все свободны, Мальвина останься, – приказал Черепушка. Он подождал пока закроется дверь:

– Значит так, кроме Бенедиктова, перевозчика в лицо никто не знает, сдастся мне, что Бенедиктов каким-то образом может контролировать передвижения перевозчика. Он калачертый, предусмотрительный. Как уж он это дело провернул, не знаю. Будешь рядом с Бенедиктовым, значит, выйдешь на перевозчика. Летит он на военном самолете, мы устроим так, чтобы вы с ним вместе...

Что хочешь делай: соблазни его, пытай его, шантажируй, а заставь его работать на вас, пока не узнаешь как выглядит

этот лох и как Бенедиктов собирается его искать. Пока камешки не найдете за Бенедиктова головой отвечаешь.

Высадитесь на Острове, особо за Чебурека и Громилу не держись, они отвлекающий маневр, для шумового эффекта. Все равно они для организации балласт, от которого избавиться не жалко. Как только найдете перевозчика камушков сообщить мне. Ясно? С вами полетит парочка крепких ребяташек, из группировки Холодильника, он с нами в доле. Хрюкинские их не знают, а в вас большой угрозы они не увидят. Они нейтрализуют телохранителей Бенедиктова, прикроют ваше исчезновение. Иди, готовься...

– И все? – капризно спросила девушка.

– Некогда, сейчас не до любви, камешки могут уплыть в другие руки...

Мальвина обиженно надула губки и отвернулась к окну, чертя пальчиком какие-то буквы на стекле.

– Ладно, иди сюда, поцелую, – махнув рукой, произнес Черепушка.

Мальвина взвизгнула и бросилась в объятия шефа. Мужчина чмокнул ее в щеку, провел по гладкому бритому черепу и слегка шлепнув по заднице, выпроводил из комнаты.

– Да, жаль девчонку, если погибнет в этих джунглях, – произнес он, наливая себе коньячку. – Ладно, были бы камушки, а бабы найдутся, – добавил он, закусывая долькой лимона.

К вечеру Черепушка и его команда вышли на человечка,

который свел их с теми, кто должен был организовать полет Бенедиктова и теми, кто имел выход на космические станции слежения. Хрюкин, считавший военных людьми неподкупными, заплативши им кругленькую сумму был спокоен, что Бенедиктова тихонько вывезут из страны, сбросят на парашюте там где нужно и все, ошибался. Черепнин узнал и квадрат высадки, разумеется, за отдельную плату.

В тот же вечер Черепушин заплатил какому-то мужичку в военной форме (из технического персонала) и на борт здорового не том бомбардировщика, не то истребителя переправили его людей. А к утру на борт самолета поднялся Бенедиктов в сопровождении охранников, совет-приказ Хрюкина не брать лишних людей, Бенедиктов проигнорировал.

Спал Аскольд Варлаамович плохо, всю ночь он обдумывал варианты своей дальнейшей судьбы. А что если прямо сейчас сбежать за границу? Нет, у Хрюкина длинные руки, он и там достанет. А что если сменить пол, лицо, биографию? А как же отказаться от всего нажитого, от связей, женщин, денег? Наложить на себя руки? Тогда уж точно Хрюкин не страшен. Только тогда Хрюкин будет и уже и вовсе не причем... Вот и выходило, что, как ни крути, а лететь придется.

Занятый своими думками, он не интересовался членами экипажа, не обратил никакого внимания на стюардессу с фиолетовыми волосами, в белом передничке, и двух нелепых стюардов. Ушастого, тощего, смахивающего на Чебурашку и плюгавого шпендика, типичного отличника-подлизу-ябе-

ду. Зато охрану Бенедиктова эта троица заинтересовала, уж очень не вязался их облик с военным самолетом. Им вообще не нравилась ни идея клиента, ни средство передвижения, ни маршрут. При ближайшем рассмотрении стюарды и стюардесса большой опасности не представляли. Хиляк в профессорских очках, ушастый придурок с лицом деграданта, хрупкая женщина. Последив за ними минут тридцать, охранники оставили их в покое.

Расчет Черепушки оказался верным, Мальвина, Чебурек и Громила оказались вне подозрения. Охранники Бенедиктова проверили салон самолета, все чисто. Только brave солдатики мотались туда-сюда, таская ящики, бидоны. Солдатики были как на подбор, здоровенные, мордастые, накаченные, со зверскими рожами. Читатель, наверняка догадался, что это были люди Холодильника, но телохранители Бенедиктова об этом не догадывались.

Бенедиктов, мрачный от недосыпу и перспективы высадки на необитаемом острове, плюхнулся в кресло у иллюминатора, демонстративно отвернувшись от всех. Он то и дело вытаскивал из кармана приборчик слежения, который успели починить перед самым отлетом. Если кулибины с закрытого военного предприятия не соврали, то прибор заработает уже в небе над Островом. Пока на экране никаких изменений не предвиделось. Бенедиктов спрятал прибор в футлярчик и засунул в потайной карман.

– Кхе, кхе, Аскольд Варлаамович, выпить не желаете, –

произнес приятный женский голос за его спиной.

Бенедиктов повернулся, едва не опрокинув поднос на котором стояла рюмка с темной густой жидкостью и блюдечко с кусочками лимона.

– Нет, – буркнул он, – Хотя... что у вас там? Коньяк?

Стюардесса кивнула головой и улыбнулась еще шире.

– Небось дерьмо дешевое, – пробурчал Бенедиктов, пошло для лохов? – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес он.

– Ну что вы, качественный.

– Ладно. Валяй, – сказал он, опрокидывая рюмку. Взял с блюдечка дольку лимона, обмакнул в сахар и зажевал. Живительное тепло побежало по жилам, разгоняя кровь. – Так, а почему одна? Не по-русски это, неси, бутылку всю. И рюмку вторую. Я тебе не алкаш в одного пить.

– Аскольд Варлаамович, я это... я не могу, я на работе... – пролепетала девушка.

– Ты? А при чем тут ты? Я, кажется, только вторую рюмку попросил...

Девушка покраснела и метнулась по проходу. Через пару секунд она уже стояла перед Бенедиктовым с початой бутылкой коньяку и второй рюмкой. Бенедиктов разлил коньяк по рюмкам, чокнулся и опрокинул одну за другой. Не закусывая, разлил по новой, снова выпил и только тогда зажевал лимончиком.

Через полчаса полета Бенедиктов почувствовал симпатию

к фиолетововолосой девушке, через сорок минут объяснился ей в любви, а через час сделал предложение. Стюардесса благосклонно отнеслась к его ухаживаниям. Еще бы. Кто мог устоять против такого мужчины. Бенедиктов самодовольно полагал, что он еще ого-го во всех смыслах: и как мужчина, и как спонсор, и как супруг. Стюардесса не пыталась переубедить его в обратном. Она не только садилась к нему на коленки, но и расстегнула пару пуговичек на своей форменной курточке.

Охрана Бенедиктова в первые полчаса полета еще проявлял какую-то бдительность, а затем предалась древоугодию. Они заказали себе первое, второе, третье и компот. Попросили все это повторить, потребовали десерт. Двое стюардов уже сбились с ног, милые и корректные вначале они начали дерзить и огрызаться. Еще немного и на борту самолета возникла бы нешуточная драка. Но сморенные обильной едой (пить, сами понимаете, на службе не положено) могучие парни Бенедиктова захрапели в своих креслах.

Мальвина выглянула в иллюминатор, под ними простиралась огромная синяя гладь, а дальше виднелась волнистая-темно зеленая поверхность тропического леса. Прошло часов шесть, судя по времени полета до нужного места оставалось совсем немного. Мальвина кивнула мальчишкам, собрала свои вещи и, приобняв за плечи захмелевшего Бенедиктова, жарко прошептала ему на ушко:

– Милый, хочешь, я покажу тебе полет любви и страсти.

Пойдем со мной...

Бенедиктов, хотя уже порядком захмелевший, проявил остатки бдительности:

– Куда? У меня инструкции, мне от своих хлопцев нельзя отлучаться...

Мальвина была готова к такому повороту, она наклонилась над Бенедиктовым так, что полушария ее груди скользнули прямо к носу подозрительного любовничка. Согласитесь, что такой аргумент для большинства мужчин весьма и весьма действенен.

– Глупышка... там нам никто не помешает порезвиться как следует... – страстно прошептала она, увлекая мужчину за собой.

Бенедиктов на ватных ногах, поддерживаемый девушкой, вышел в коридор. Шествие замыкал Чебурек, он оглянулся. В салоне все было спокойно, переодетые солдатики сгруппировались возле дремлющих телохранителей. Никто из непосвященных не заметил их перемещений. Ну и славно! Охранники, сожравшие не только весь представительский обед, но и солидную дозу снотворного, очнутся теперь не скоро. Пилоты будут молчать. За такие-то бабки, каждый сделается немым и слепым, тем более, что люди Холодильника проследят за ними. Пока Бенедиктова хватятся, пока найдут в здании аэродрома связанную стюардессу и ее помощников, пока разберутся в чем дело, они будут уже у цели.

В узком коридоре тащить Бенедиктова было неудобно, его

конечности до и дело зацеплялись за какие-то ручки, выступы. Задремавший было в объятиях красотки, Аскольд Варлаамович открыл глаза и совершенно трезвым голосом произнес:

– П-позвольте, куда вы меня тащите?

Мальвина среагировала мгновенно, она со всей силы долбанула Бенедиктова подносом, который держала под мышкой. Бенедиктов с тихим стоном отключился.

– Ты что, убила его? – испуганно произнес Чебурек, подхвативший оседающее на пол тело.

Мальвина презрительно скривилась:

– Хлюпик! Он бы всех сейчас переполошил. Я говорила больше порошка надо было сыпать, а все ты: «Отравишь, отравишь, может, у него сердце слабое», – Мальвина обидно передразнила Чебурека. – Сравнил свою массу и его. Тебе нюхнуть достаточно, а этого борова жирного такой долой не усыпишь.

У выхода появился Громила, он раздал рюкзачки-парашюты Мальвине и Чебуреку. Те молча надели, застегнули, проверили крепления. Мальвина кивнула головой и произнесла:

– Давай, Громила, с богом! Пошел.

Громила открыл дверь, в салон с шумом ворвался ветер, выталкивающий наружу, будто гигантский пылесос, пытающийся всосать их в свое чрево.

Растерявшийся Громила вцепился в переборки руками

так, что побелели пальцы. Его стошнило от ужаса. Земля с высоты полета казалась крошечной, негостеприимной.

– Ну же, прыгай, – приказала девушка.

Громила закрыл глаза, вжал голову в плечи и заголосил:

– Мальвиночка я не могу, я боюсь, я высоты боюсь. Я никогда не прыгала с парашютом...

– Твою мать! – выругалась девушка, стараясь перекрыть шум ветра и двигателей, – Ты же в анкете писал, что прыгал.

– Я просто хотел, чтоб меня в банду взя-аааали, – зарыдал Громила, – Я думал в кружок записаться, парашютный, не успе-ееел!

– Вот урод! Придурок, задушу своими руками!

– Пусть, лучше задушишь, чем разобьюсь, – с новой силой зарыдал Громила.

Мальвина перестал ругаться и корчить страшные гримасы.

– Тебя мамка дома как звала-то, – решила сменить тактику Мальвина, выбрав роль доброго полицейского.

От неожиданного вопроса Громила как-то успокоился и даже слегка улыбнулся:

– Давидкой. Мамка, мне нельзя разбиваться, я у нее один такой.

Мальвина подумала: «Это уж точно, второго такого придурка поискать», а вслух сказала:

– Ну почему разобьешься... По статистике, Давидка, только каждый сто десятый парашют не раскрывается...

– А мой и есть сто десятый, я знаю... – с новой силой за-
скулил Громила.

– Раскроется, раскроется, – ласково сказала Мальвина, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не пнуть его ногой. – Здесь, Давидка, ничего сложного нет. Сейчас ты подойдешь к краю, закроешь глаза, прыгнешь и полетишь. Про себя посчитаешь 22, 23, 24, 25, дернешь кольцо, вон оно у тебя на пузе болтается, и все... Понял – терпеливо, как идиоту, объясняла девушка.

– Не-еет, я не смогу, я не смогу, лучше убейте меня... – еще сильнее цепляясь за переборки, произнес Громила.

Мальвина повернулась к Чебуреку и кивнув головой на Громилу приказала:

– Пихни эту гниду, у меня руки заняты. Нам с ним возиться некогда, а то нас далеко от нужного квадрата унесет. Живей!

Чебурек, готовый выслужиться, держась одной рукой за поручень, обогнул Мальвину с Бенедиктовым на руках, приблизился к Громиле. Наклонился к его уху и что-то прошептал, из-за свиста ветра, рева моторов девушка ничего не услышала. Но в ту же секунду Громила разжал пальцы и встал в стойку футболиста, защищающего ворота при штрафном ударе, Чебурек пихнул его к выходу и через пару секунд Громила с диким воплем, раскинув руки, полете вниз.

– Кольцо, кольцо дерни... – крикнул вслед ему Чебурек.

– Второй пошел, дала команду Мальвина и Чебурек вывалился из салона. Он летел как птица покачивая руками и ушами, кувыркаясь и планируя в воздухе. Вот через пару секунд над его головой раскрылся купол парашюта и он чуть затормозил стремительный полет вниз.

Мальвина пристегнула к себе Бенедиктова и тяжело вывалилась из самолета. Парик, сорванный ветром устремился к земле, обгоняя свою владелицу. Девушка любила прыгать, на ее счету было больше десятка прыжков, это ни с чем не сравнимое ощущение полета приносило радость. Но не сегодня. Полету мешал дополнительный груз в лице Варлаама Аскольдовича, который пришел в себя в самый неподходящий момент. Он открыл глаза и взглянул на девушка. Появившаяся было улыбка мгновенно погасла и сменилась гримасой ужаса и воплем, по силе равным хорошей сирене. Как бы вы почувствовали себя, очутившись в объятиях лысой девушки, да еще болтающейся вместе с вами в воздухе?

– Заткнись, а то брошу, – пригрозила девушка, так как вой Бенедиктова был просто невыносимым.

Угроза подействовала, Аскольд закрыл рот так быстро, что чуть не прикусил язык. Вот так, сплетенные в крепких объятиях, как любовники, они и встретили землю. Удар был довольно ощутимый, Бенедиктову показалось, что его ноги по пояс вошли в землю. Мальвина резво вскочила отстегнула стропы парашюта, отвязала пленника и поискала глазами ребят. Громилу отнесло далеко, Чебурек приводнился

недалеко от берега. Все живы, все целы.

Аскольд Варлаамович, отрезвевший, пришедший в себя, требовал объяснений.

– Я важный государственный служащий, я известный в узких кругах политический деятель. Да вам за мое похищение такое будет, такое... – бесновался он, волчком крутясь возле Мальвины, изрыгая угрозы одну страшнее другой.

Мальвина совершенно не обращала на него внимания, складывая парашют, но как только он попытался наброситься на нее с кулаками, отпихнула его ногой. Аскольд не ожидал такого отпора, он плюхнулся на пятую точку, совершив таким образом второе приземление за последние пять минут. Это его немножко отрезвило.

– Если вы требуете денег за меня, должен вас предупредить. У моей семьи нет денег. Вам за меня ничего не заплатят, – произнес он, следя за реакцией девушки. Реакции не было. – У меня нет таких денег, я кормлю трех бывших жен, у меня четверо детей от разных женщин, у меня на руках старушка мать и четыре тещи пенсионного возраста. У меня нет денег.

Откровения Бенедиктова никаких результатов не принесли. Девушка, убрав парашют, принялась приводить себя в божеский вид. Она сняла с себя всю одежду, оставшись в узеньких трусиках-танго, обнажив великолепную грудь и плоский живот, и, не оборачиваясь, спустилась к воде.

Увиденное несколько вышибло Бенедиктова из колеи. Он

принялся скидывать с себя одежду и только когда снял брюки, взгляд его упал на семейные трусы до колен. Трусы были не обычными. Это был подарок всем членам актива «тропистов» от вождя Хрюкина. По синему полю был отпечатаны лозунги: «Долой пепси, даешь квас», «Картошка лучше ананасов», «Идеям Героев верны» и прочая идеологическая мура. Только сейчас узрев напоминание о том, зачем он собственно отправился в эту поездку, Бенедиктов понял, что его похитили не для выкупа. А для чего? От этого стало неуютно и холодно. Аскольд начал лихорадочно одеваться, пока девушка не вернулась. Согласитесь, глупо предстать голым перед собственными похитителями, вероятными идейными противниками.

Оделся Бенедиктов вовремя. Так как минут через пять вся троица была в сборе. Маленький тощий шибздик где-то потерял очки, длинный ушастый разбил коленку, но все они были настроены решительно и по-боевому. Похитители уселись в вокруг Бенедиктова.

«Вот сейчас начнется, – тоскливо подумал Бенедиктов, – наверное, бить будут, пытаться. Может, сбежать?»

Аскольд огляделся по сторонам. Бежать было некуда, да и далеко не убежишь.

Девушка оделась, тряхнула головой, достала из сумки карту, компас, сверилась с чем-то и произнесла:

– Ну что, Бенедиктов, ты уже понял, что мы тебя похитили? Вник?

Аскольд кивнул головой.

– Деньги нам твои на фиг не нужны, а нужен нам от тебя портрет человечка твоего. Надеюсь, понятно какого?

Предчувствие Аскольда не обмануло. На душе стало тоскливо-тоскливо. Да, если не убьют эти, пришибет Хрюкин. Расклад один – писец котенку! А пожить так хочется, внуков... Нет до внуков еще далеко... Для себя пожить, по полной программе. Слабая надежда зашевелилась в бенедиктовской душе: пока Тюфякова не найдем, я им живым нужен. Они меня будут беречь. Пока мы здесь, Хрюкин далеко, а там что-нибудь придумаю... Надо соглашаться на их условия.

Мальвина, которой надоело затянувшееся молчание, спросила:

– Ну, согласен с нами сотрудничать?

– А гарантии – нагло потребовал Бенедиктов, – Где гарантии, что вы оставите мне жизнь.

Чебурек вскочил с места, демонстрирую Мальвине, страстное желание накостылять, этому гаду. Девушка жестом приказала Чебуреку сесть.

– А зачем нам твоя жизнь, тебя Хрюк и без нас прикончит, мы за него не в ответе...

Бенедиктов вздохнул, делать не чего:

– Согласен.

– Только смотри, Аскольдик, надумаешь финтить, Чебурек из тебя отбивную сделает, – произнесла девушка, указывая на длинного, ждавшего сигнала к началу активных фи-

зических воздействий.

Бенедиктов поежился, рожа у Чебурека была неприятная, садистская. Небось в детстве мухам крылышки отрывал, а паучкам лапки. Перспектива занять место паучка или мушки, Аскольда Варлаамовича не устраивала, он решил – пусть все идет как идет, а там посмотрим.

– Вот и ладненько, люблю людей, который идут на консенсус, – произнесла девушка.

– А где это? – удивился Чебурек, – в смысле куда пойдем. Юг знаю, север, запада, восток. А консенсус не знаю. У нас географичка все время в декрете была, я в географии не петрю ни фига.

Громила покачал головой, тупость товарища иногда ставила его в тупик:

– Консенсус – это не часть света, ничего общего с географией не имеет. Консенсус это...

– Захлопни варежку, профессор. Скажи спасибо, что я тебя из самолета выпихнула...

Громила покраснел, виновато опустив голову.

– Кстати, Чебурек, а что ты ему в самолете сказал, чтоб он руки разжал? – поинтересовалась Мальвина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.